

«Детское чтение для сердца и разума».

Н. М. Карамзин

РОМАН-ГАЗЕТА

11

■ 2017 (221)

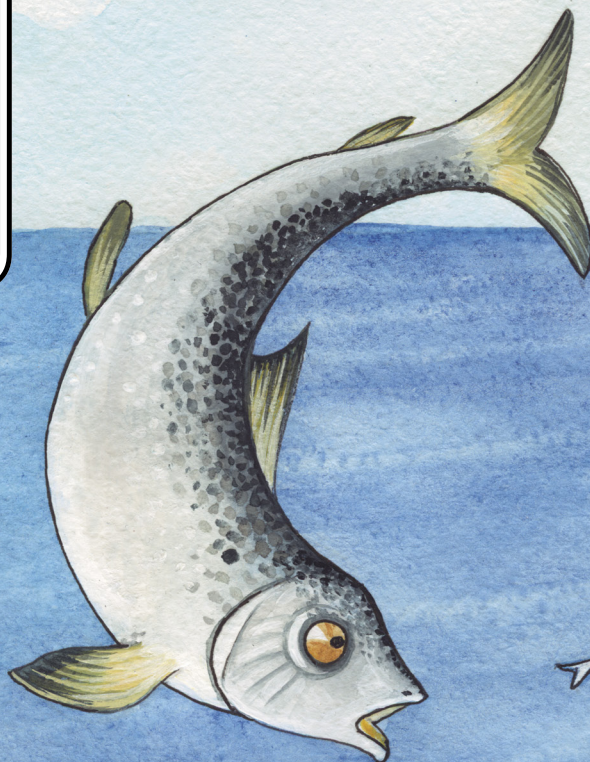
6+

РАССКАЗЫ:
Карантин

ЖИВОЙ УГОЛОК:
Сказочное утро

ISSN 1684-0895

9 771684 089001 >

Владимир Бабенко

Два часа до обеда

Художник Г. Мазурин

Иннокентий Анненский

Ноябрь

Сонет

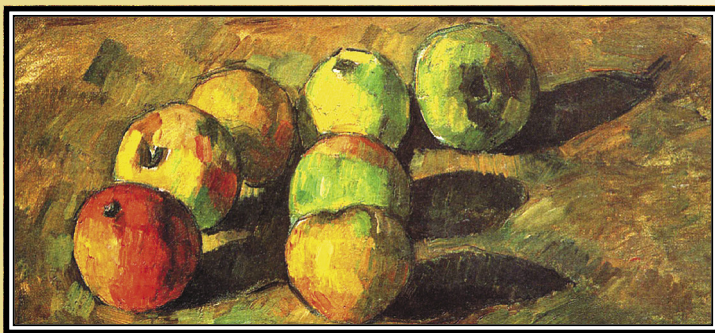
Как тускло пурпурное пламя,
Как мёртвы жёлтые утра!
Как сеть ветвей в оконной раме
Всё та ж сегодня, что вчера...

Одна утеха, что местами
Налёт белил и серебра
Мягчит пушистыми чертами
Работу тонкую пера...

В тумане солнце, как в неволе...
Скорей бы сани, сумрак, поле,
Следить круженье облаков, —

Да, упиваясь медным свистом,
В безбрежной зыбкости снегов
Скользить по линиям волнистым.

1904 г.

Поль Сезан
Натюрморт
1870 г.

В номере:

3

Владимир Бабенко

Два часа до обеда

17

РУССКИЙ МУЗЕУМ

Ольга Евстигнеева

Певец Святой Руси: Михаил Нестеров

23

РАССКАЗЫ

Протоиерей Леонид Коркодинов

Карантин

26

ИМЕНА

Олег Трушин

Художник Артур Ковалёв: суровая красота Камчатки

28

СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК, СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК

Наталия Безотосная

Большие крылья

30

ЖИВОЙ УГОЛОК

Иван Коростелёв

Сказочное утро

32

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ

Агагельды Алмазаров

Когда пустыня была морем...

36

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Главный редактор

Юрий Козлов

Зам. главного редактора

Екатерина Рощина

Художественное

редактирование

Татьяна Погудина

Генеральный директор

Олег Болдырев

Компьютерная вёрстка

и цветоделение

Александр Муравенко

Зав. распространением

Ирина Бродянская

Журнал для детей среднего
школьного возраста

Выходит один раз в месяц

С 1996 года рекомендован

Министерством общего

и профессионального

образования РФ

для внеклассного чтения

Подписные индексы издания:

в каталоге агентства «Роспечать»

72766 на полугодие, **71899** на год;

в объединённом каталоге

«Пресса России»

38916 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1654 на полугодие

Учредитель: ООО «Роман-газета»

Адрес редакции: 107078, Москва,

ул. Новая Басманная, 19.

Тел.: 8 (499) 261-84-61

Факс: 8 (499) 261-49-29

E-mail: roman-gazeta-1927@yandex.ru

Основан в 1995 г.

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации

№ 01384 от 27 июня 1995 г.

Отпечатано в АО «Красная Звезда»

123007, Россия, Москва,

Хорошёвское шоссе, 38

тел. +7(499) 762-63-02,

факс +7(495)941-40-66

e-mail: kz@redstar.ru,

www.redstarprint.ru

Тираж 2000 экз.

В розницу цена свободная

Заказ № 7042-2017

© «Роман-газета», 2017 г.

Выпуск издания осуществлён

при финансовой поддержке

Федерального агентства по печати

и массовым коммуникациям

Авторов материалов,

использованных в этом номере,

просим обращаться в редакцию

Владимир Бабенко

Два часа до обеда

СКАЗОЧНАЯ ПОВЕСТЬ

Художник Ю. Устинова

Тяжёлые, ещё по-утреннему прохладные листья инжира не шевелились под дуновением легчайшего бриза.

Белый, увитый виноградом дачный домик казался пунцовым в лучах восходящего солнца.

Было так тихо, что слышалась негромкая трель ручья, доносящаяся из ближайшего оврага.

Изумрудная ящерица, греющаяся на крыльце, стремительно скрылась в трещине фундамента, испугавшись прилетевшей вороны. Птица посидела на крыше, прогулялась по тропинке, примостилась на краю большого каркасного бассейна, внимательно осмотрела странное судно ярко-синего цвета, которое в этом бассейне плавало, попила воды, оглушительно каркнула и улетела к морю.

Открылись двери белого дачного домика, и на крыльце появился профессор

Барсуков. Доктор биологических наук. Изобретатель.

Вы бы никогда не подумали, что Барсуков — настоящий профессор, тем более — доктор наук, потому что Барсуков увлекался слаломом и мотоциклетным спортом, был высок, прям, не носил ни бороды, ни очков и вовсе не отличался рассеянностью. Голубая футболка и салатовые шорты не скрывали южный загар профессора. Голову Барсукова венчала красная бейсболка.

Профессор Барсуков, любовно погладив стоящий у крыльца огромный красный мотоцикл, направился к бассейну.

Он не стал в нем плавать, а занялся тем самым предметом, который так заинтересовал ворону.

Это была подводная лодка: в длину около пяти метров, в ширину — около двух. У судна имелось все, что и у настоящей субмарины — люки, рули, винты. На носовой части подводной лодки воз-

вышалась прозрачная полусфера, сквозь которую можно было рассмотреть каюту. На борту судна красовалась надпись «Архей».

Профессор хотел забраться на палубу, но ему помешали.

Калитка в заборе, окружающем барсуковскую дачу, с шумом распахнулась, и на участок с криками вбежали двое детей — мальчик в маечке и шортах и девочка в цветастом сарафанчике.

У обоих за спинами болтались лёгкие рюкзачки.

«Натуралисты, — подумал догадливый Барсуков. — Юные натуралисты».

И он не ошибся, потому что юннаты были вооружены огромными сачками. Этими сачками они яростно размахивали. А размахивали они сачками потому, что через забор барсуковской дачи перелетела роскошная бабочка, жёлтая с чёрными прожилками и длинными «шпорами» на задних крыльях. За ней-то и гнались юные испытатели природы.

Бабочке, наверное, хотелось пить, и она стала неторопливо кружить вокруг бассейна, а энтомологи продолжали её преследовать.

Наконец, насекомое, по-видимому, устало и село отдохнуть на красную бейсболку хозяина дачи.

В тот же момент голова опешившего профессора оказалась сразу в двух сачках.

— Улетел? — спросила девочка.

— Попался! — уверенно ответил мальчик.

— Попался, — подтвердил Барсуков. — Я попался. А бабочка улетела.

— Извините, — насупленно и укоризненно сказал мальчик, как будто именно Барсуков был виноват в том, что они упустили ценный трофей.

— Извините, — тихо произнесла девочка и спряталась за спину мальчика.

— Чего уж там, — примирительно сказал профессор Барсуков, высвобождаясь из сачков, — бывает. А вы хоть знаете, какую бабочку вы хотели поймать?

— Знаем, — хором ответили ребята, — махаона!

Девочка сняла рюкзачок, вытащила из него потрёпанную книжку «Бабочки», полистала, нашла нужную страни-

цу и показала Барсукову рисунок. — Вот! Махаон! Он и летал!

— Правильно, — подтвердил профессор.

— А это что у тебя за книга? — спросил Барсуков, заметив в рюкзачке девочки ещё один томик.

— Это её любимая, — снисходительно произнёс мальчик, — она её везде с собой таскает.

— Да, любимая! — с вызовом произнесла девочка. — «Необыкновенные приключения Карика и Вали». А любимая потому, что я сама — Валя, и ещё потому, что мне бы очень хотелось тоже стать совсем малюсенькой и путешествовать.

— И чтобы тебя такую малюсенькую какой-нибудь паук слопал, — захихикал мальчик.

— Пауки не лопают, — возразила Валя, — они высасывают!

— Хорошо, раз ты Валя, — прервал их спор Барсуков, — то ты наверняка Карик.

— Нет, меня Костей зовут.

— Он мой брат, — пояснила Валя, — только двоюродный.

— А меня зовут Иваном Герасимовичем. А фамилия моя Барсуков. Профессор. Вот и познакомились.

— Ух ты! — восхитилась Валя. — Почти как профессор Иван Гермогенович Енотов. Из этой вот книжки, — и она любовно погладила обложку.

— А вы Иван Герасимович, чем увлекаетесь?

— Простейшими.

— Чем, чем?

— Микроскопическими одноклеточными животными.

— Всё время с микроскопом возитесь?

— Ну, зачем же так — «возитесь»? — обиделся Барсуков. — Микроскоп — это очень важная и нужная вещь для протистолога, такая же необходимая, как вам — сачок.

— Для кого? Проти... просто... Кто это?

— Для протистолога — учёного, который изучает микроскопических животных.

— Неужели это интересно? — удивился Костя.

— Чрезвычайно интересно! И если хочешь, я тебе это докажу.

— Микроскоп сейчас принесёте?

— Да нет. В микроскоп ты и сам как-нибудь заглянуть сможешь. А я приглашаю тебя совершить настоящее путешествие в микромир.

— Как Карик и Валя? А меня возьмёте? — с надеждой спросила Валя. — Мы уменьшимся и на стрекозе мы летать будем?

— Вы, наверное, шутите, — недоверчиво возразил Костя, — ведь всем известно, что не существует ни порошка, ни эликсира, который уменьшает человека. — И мальчик презрительно кивнул в сторону книги, которую прижимала к себе Валя.

— Эликсира такого, к сожалению, пока нет. А вот другое средство есть. — И профессор показал на ярко-синее судно, плавающее в бассейне.

— Что это? — хором спросили дети.

— Это мое последнее изобретение, — с гордостью произнёс профессор Барсуков. — Я ведь не только доктор биологических наук, но ещё и инженер, — добавил он скромно. — Так вот эта подводная лодка — моё последнее детище!

— И что, она по-настоящему может плавать под водой? — с недоверием

спросила Валя. — А из неё можно за рыбками наблюдать? А акула её не разгрызёт?

— На ракету похожа, — заметил Костя, осматривая судно.

— В этом ты, пожалуй, прав, — согласился профессор, — в какой-то степени «Архей» и создан для путешествия в космосе, только в микрокосмосе.

— А почему лодка в бассейне плавает? — насторожился Костя. — Вы что, ещё в море её не испытывали?

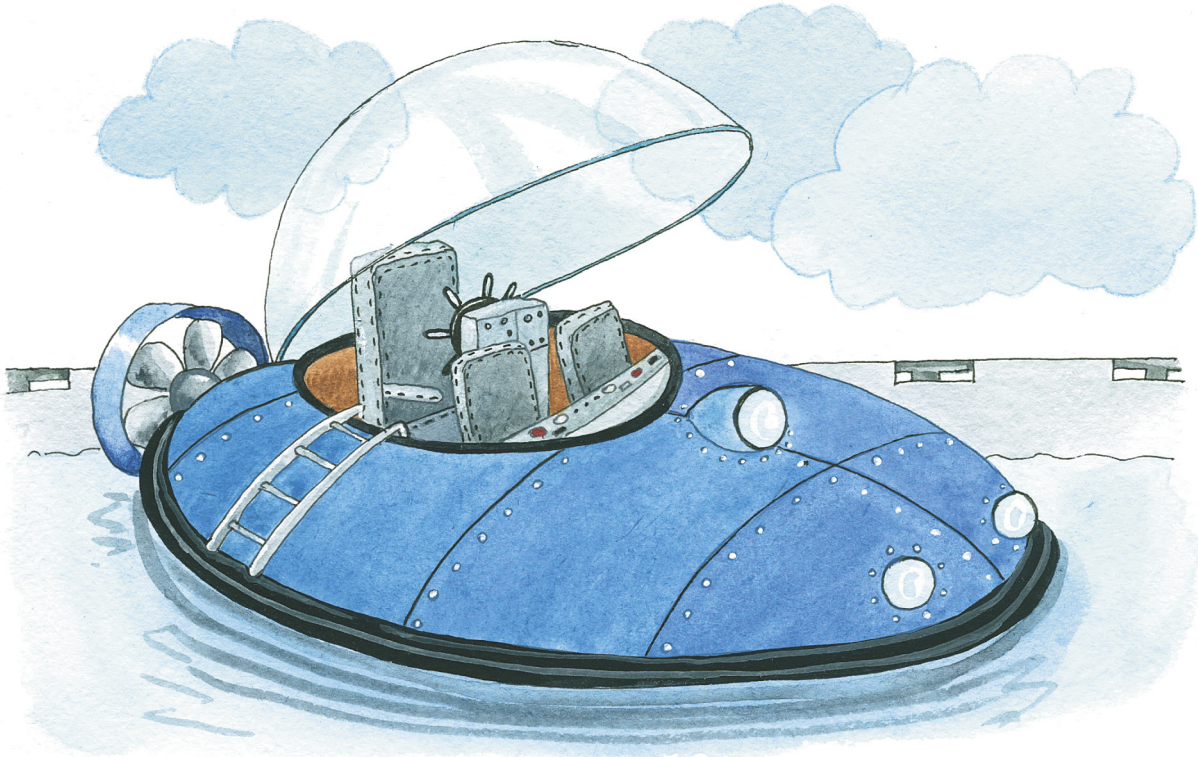
— В море я её не испытывал, да и, наверное не буду. Дело в том, что эта лодка не простая...

— А волшебная! — подхватила Валя.

— Ну что ты, — усмехнулся профессор, — волшебство бывает только в сказках, а мы с вами наукой занимаемся. Эта лодка как раз и создана для научного исследования крошечных животных, которые видны только в микроскоп. Причём в их естественной среде обитания.

— Я поняла! — воскликнула Валя. — Там внутри стоит большой микроскоп, вы забираетесь в лодку, и в этот микроскоп смотрите, кто вокруг плавает. А мне можно взглянуть? Ну, пожалуйста! Очень хочется!

— Никакого микроскопа внутри нет, — разочаровал девочку Барсу-

ков. — Просто лодка сделана из особого материала. Но самое главное вот это. — И профессор показал на аппарат, висевший на столбе у бассейна.

Аппарат этот был похож на огромный прожектор, однако вместо лампы у него была прихотливо изогнутая спираль из какого-то ослепительно блестящего металла.

— Что это? — спросила Валя.

— Это генератор, испускающий невидимые лучи особой длины, которые могут на некоторое время уменьшить любой предмет и всё, что находится внутри него. Причём очень сильно.

— Ой! — восхищённо воскликнула Валя. — Иван Герасимович, пожалуйста, направьте эти лучи на меня! Я хочу стать маленькой и полетать на стрекозе!

— Это невозможно. Есть одно условие: предмет должен быть сделан точно из такого же материала, из которого изготовлена обшивка этого судна. — И профессор постучал пальцем по корпусу плавающей в бассейне ярко-синей субмарины.

— Значит, можно сделать из такого же материала и скафандр. И в нём уменьшиться, — предположил Костя. — Вот тогда тебе, — и мальчик снисходительно посмотрел на сестру, — можно будет покататься на стрекозе. Или на мухе.

— Это тоже невозможно, — возразил Барсуков. — Пока никак не удаётся создать настолько гибкий, эластичный материал, из которого можно шить такой костюм. Но, думаю, когда-нибудь мы его обязательно сошьём. Ну как, согласны совершить со мной подводную экспедицию в микромир?

— Согласен! — решительно сказал Костя.

— Я тоже согласна, — произнесла Валя. — Только нас из дома отпустили все-

го на два часа. Если мы к обеду опоздаем, то родители ругаться будут.

— А мы за два часа успеем обернуться, — заверил Барсуков. — Сейчас я запрограммирую генератор, и он уменьшит судно на этот срок.

Профессор подошёл к серому ящику, стоящему у основания столба, на котором был прикреплён странный «прожектор», открыл дверцу и начал щёлкать тумблерами.

Потом Барсуков повесил на борту бассейна табличку «Не подходить! Идёт научный эксперимент!», затем прислонил к бассейну короткую лестницу, забрался на неё, оттуда шагнул на палубу своей синей субмарины, развернул красную бейсболку козырьком назад и открыл люк.

Потом обернулся к Косте и Вале:

— Ну как? Не раздумали? Тогда полезайте!

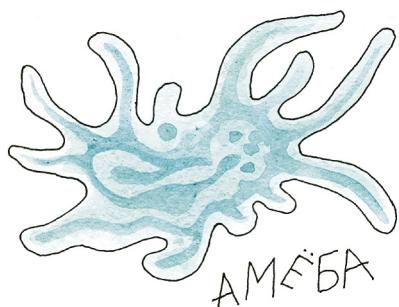
Костя, а за ним и Валя, оставив свои сачки у края бассейна, взобрались на палубу.

— Осторожно, не свалитесь в воду, — предупредил Барсуков и скрылся в недрах субмарины. Вскоре оттуда донёсся его приглушённый голос, — спускайтесь! Только осторожно! Люк узкий, а лестница крутая.

Изнутри лодка напоминала салон легкового автомобиля. В нём, точнее в каюте, стояли три кресла — два впереди, а третье, на возвышении — сзади. Перед третьим располагался пульт управления, с обилием кнопок, рычажков, тумблеров, циферблатов и датчиков. Был и маленький штурвал. Сверху каюту закрывал прозрачный купол.

— Пристегивайтесь ремнями, — приказал Барсуков, и ребята защёлкали пряжками.

Профессор задраил люк, сел за пульт и заработал переключателями. В корме лодки загудело, потом её мягко качну-

ло. Валя тревожно завертела головой и вцепилась в подлокотники. Гул нарастал.

— Погружаемся, — раздался торжественный голос Барсукова.

За бортом плеснула волна, и лодка мягко пошла вниз.

— Здорово! — восхитилась Валя, — но пока ничего не видно.

— Скоро, скоро, — успокоил профессор. — Сейчас на дно спустимся, и животные появятся.

По крику Вали Барсуков и Костя поняли, что они появились.

— осьминог! — завизжала Валя от ужаса и от восторга.

На дне среди камней действительно сидело полупрозрачное существо, отдаленно напоминающее очень упитанного осьминога. По крайней мере, на его округлом теле были многочисленные длинные толстые выросты. Эти выросты шевелились, вытягивались и сокращались. Ими «осьминог» цеплялся за камни и, переваливаясь, медленно двигался вперед.

— А почему он слепой? — спросила Валя, — и какой-то бесцветный? осьминоги ведь очень красивые бывают. Я по телевизору видела.

— Потому что это не осьминог, — ответил профессор. — Мы ведь уже уменьшились. Если бы мы оказались рядом с настоящим осьминогом, то просто не смогли бы его окинуть взором. Большое видится на расстоянии.

— Так кто же это?

— Амёба, — ответил Барсуков.

— А вот и ещё один представитель подводного микромира, — произнёс Барсуков, вглядываясь в водную толщу. — Летит как бабочка на свет.

— Кто летит? — не поняла Валя.

— Вон она!

— Где? — продолжала вопрошать Валя и хотела было спросить ещё что-то, но осеклась, заметив, как к подводной лодке стремительно приближается длинная «торпеда». Всё тело существа было заполнено зелёными «мячами», а на его переднем конце расположен длинный жгут. Этот жгут быстро, словно пропеллер, вращался и тащил «торпеду» прямо к субмарине.

— Кстати, вы пристёгнуты? — спросил Барсуков

— Пристёгнуты, — ответили Валя и Костя, загипнотизированно следя за вращающимся жгутом. — А что?

— А то, что нас сейчас крутить будет.

— А как эта зелёная штуковина нас нашла? Она что, видит нас, что ли? — спросил Костя.

— Эта «зелёная штуковина» называется эвглена зелёная. Кстати, тоже жгутиконосец. Она нас, конечно, не видит, а видит свет нашего прожектора.

— А чем видит?

— Вон то красное пятнышко — это и есть её глаз.

— На конце морды, что ли?

— Нет у неё морды, нет, — терпеливо поправил мальчика Барсуков. — Это называется «передний конец тела». Она всегда на свет плывёт. Эвглена — это вроде как полурастение полуживотное. На свету — растение, в темноте — животное.

Эвглена достигла подводной лодки, жгутик обвился вокруг корпуса субмарины, и судно закрутило.

— Вот это аттракцион! — восторженно воскликнул мальчик.

— Ой, — застонала Валя. — Меня сейчас тошнить начнёт!

— Держи, — сказал Барсуков, — и протянул девочке упаковку «Драмина» — таблеток от укачивания.

Барсуков нажал на кнопку и свет прожекторов погас. Обескураженная эвглена, на прощанье помахав жгутиком, уплыла.

— Отстала, — облегчённо вздохнула Валя.

— А теперь давайте посмотрим на других водных обитателей. — И с этими словами Барсуков устремил лодку вверх.

Вскоре они встретили странное существо. У существа было вытянутое тело с

заострённым передним концом и закруглённым задним, а всё его тело покрывала редкая щетина. По щетине словно пробегами волны: каждый волос то распрямлялся, то сгибался, действуя как весло. От толчков сотен тысяч «весел» животное плавно двигалось вперёд.

В боку существа зияла огромная воронка, обрамлённая длинными прутьями. Прутья гнулись, словно на ветру, и загоняли беловатые «мячи», «дыни» и толстые спирали в воронку.

— Иван Герасимович, кто это? — шёпотом спросила Валя.

— Парамециум каудатум, — ответил Барсуков. — Кормится. Бактерий ловит.

— Эта пара... пара...ну, как её, оказывается, очень полезная животина. Вон как бактерий трескает!

— Зови её инфузория-туфелька, — пришёл на помощь девочке Барсуков.

— Совсем на туфлю не похожа. Она сейчас и нас засосёт, — вжалась в кресло Валя.

— Ну, положим, мы для неё слишком велики, — успокоил её Барсуков, внимательно всматриваясь в приближающуюся инфузорию, — она может нас расценивать лишь как...

Он не успел закончить фразы, так как из того бока инфузории, который был ближе к лодке словно выстрелили тысячи орудий. Каждое из них извергло не ядро и не снаряд, а длинный упругий заострённый стержень — словно на теле туфельки мгновенно вырос частокол.

Заострённые концы «частокола» забарабанили по корпусу «Архея». К счастью, они не причинили судну никакого вреда.

— ...лишь как врага, — наконец закончил фразу Барсуков.

— Что это было? — спросил Костя.

— Бортовой залп.

— Я серьёзно.

— И я серьёзно. Инфузория приняла нас за врага. И атаковала. Выбросила множество мгновенно застывающих в воде упругих нитей-трихоцист. Мелкого неприятеля они пробивают насквозь, а тех, кто с прочным корпусом — как наша лодка — просто отталкивают.

— А «Архей» они точно не пробьют? — заволновалась Валя.

— Корпус нашего судна сделан из новейших сверхпрочных материалов, — успокоил его Барсуков.

Профессор хотел ещё что-то сообщить, но не успел. Свет померк, лодка закрутилась в гигантском водовороте, исчезли из виду и инфузория-туфелька, и напавший на неё хищник.

* * *

Как только вода в бассейне, после погружения субмарины успокоилась, с яблони на середину искусственного водоёма упала, сорвавшись с листика, маленькая зелёная древесная лягушка-квакша. В это время дверь домика открылась и оттуда вышла внучка профессора — пятилетняя Лена. Она уже позавтракала и отправилась гулять по саду и, наконец, очутилась у бассейна, к которому ей, Лене, категорически запрещалось подходить.

На краю бассейна висел лист бумаги, на котором виднелась надпись «Не подходить! Идёт научный эксперимент!» Однако Лена нарушила запрет. Оглянувшись по сторонам, она осторожно подошла к огромной круглой пластмассовой ванне и, привстав на цыпочки, заглянула за её край.

Бассейн был пуст. Только одинокий зелёный лягушонок плавал на его поверхности.

— Бедненький, — обратилась Лена к лягушонку. — Как же ты сюда попал? Ты же в речке жить должен (Лена помнила, что когда они с бабушкой ходили на речку, то там по берегам сидело множество зелёных лягушек, которые громко шлёпались в воду).

— Я сейчас тебя спасу, — пообещала Лена квакше.

Она оглянулась и увидела лежащие в траве два сачка.

«Интересно, чьи они?» — подумала Лена, но потом, прервав свои размышления, взяла один и с нескольких попыток подхватила им лягушку.

Потом Лена зачерпнула ведёрком воды, посадила туда квакшу и заспешила через сад к ближайшему оврагу. Там она вылила воду вместе с лягушкой в ручей. Затем, довольная, Лена вернулась в сад и пошла к бабушке — рассказывать, как она спасала лягушку.

Квакша за ближайшим поворотом выбралась на берег и стала карабкаться на ивовый куст.

А подводная лодка, случайно оказавшаяся в Ленином ведре, поплыла вниз по течению.

— Все пристёгнуты? — спросил взволнованный неожиданным поворотом событий профессор Барсуков.

— Пристёгнуты, — ответили юннаты. — А где мы? И почему нашу лодку так сильно крутит?

— Нештатная ситуация, — пояснил Барсуков. — Кто-то перенёс нас, то есть «Архей», в другой водоём.

— В какой другой водоём? — насторожился Костя.

— А мы к обеду успеем? — заволновалась Валя.

— Судя по тому, что нас несёт течение — мы, скорее всего, в ручье. А к обеду мы обязательно успеем, через... — профессор взглянул на часы, — ровно через час сорок три минуты «Архей» примет свои первоначальные размеры. Хорошо было бы нам за это время добраться до реки — оттуда лодку легче перевезти домой.

— Ну, до реки-то мы быстро доберёмся, — уверенно произнёс Костя, — ведь ручей-то коротенький.

— Да, короткий. Но здесь встречаются совсем другие существа, чем в нашем

спокойном бассейне с амёбами, эвгленами и инфузориями-туфельками. — Вот, например, это для нас может представлять опасность, — насторожился Барсуков.

— Что? — спросил Костя.

— Где? — завертела головой Валя.

— Вон впереди сеть видите? Нас прямо в неё и несёт.

— Наша лодка в ней запутается, и мы до реки не доберёмся?

— Хорошо если бы только запутались. Ведь у этой сети есть хозяин, и он её проверяет: попался кто-нибудь или нет.

— Вот потеха! — засмеялась Валя. — Рыбак вытащит сеть, а там мы, то есть наша лодка.

— Ты постоянно забываешь, что и мы, да и наша лодка очень, очень маленькие и рыбак нас просто не заметит, — вздохнул Барсуков. — И к тому же эту сеть сплёл и поставил в ручей вовсе не человек.

— А кто?

— Ручейник. Вернее, личинка ручейника.

— И если запутаемся в его сети... — начал было Костя.

— Он раздавит нашу субмарину своими челюстями, — подтвердил его опасения профессор.

— Что же делать? — захныкала Валя.

— Кажется, есть выход, — произнёс Барсуков, пристально вглядываясь вперёд. — В прямом смысле этого слова.

— Где? — хором спросили ребята.
— Вон там, впереди. Видите? Дыра в сетях. Попробуем в неё проскочить, — произнёс Барсуков и крутанул штурвал.

— Ура! — через секунду закричала Валя, когда субмарина, управляемая профессором, точно прошла сквозь брешь. — Иван Герасимович, вы настоящий слаломист!

— Здорово! — не сдержался Костя.

— Рад стараться, — скромно сказал Барсуков.

Избежавшая опасности субмарина скользила над самым дном ручья.

Барсуков неожиданно резко увеличил скорость и круто развернул судно.

— Что случилось? — пискнула Валя. — Опять сеть ручейника?

— Нет, — произнёс профессор, опасно оглядываясь назад, — не ручейник. Нас преследует коловратка.

— Около... чего? — не поняла Валя и тоже оглянулась.

Сквозь прозрачную крышу «Архея» она увидела странное полупрозрачное существо. У него было продолговатое, удлинённое, сужающееся к заднему концу тело и голова, увенчанная короной из многочисленных зубцов. Кроме того, на голове светилось два красных глаза.

— Ко-ло-врат-ка, — по слогам произнёс Барсуков, закладывая такой крутой вираж, что и Вальку и Костю вдавило в кресла. — От старого русского слова «коловорот», что значит — непрерывное вращение.

— Она, эта ваша коловратка, что, непрерывно вращается?

— Она сама не вращается, — продолжил объяснения профессор, направляя лодку к самому дну. — У неё на голове такое устройство из ресничек, которое

так и называется — коловращательный аппарат.

— И для чего он нужен?

— Она с его помощью плавает. Причём очень быстро, — сказал профессор, тревожно оглядываясь. — А ещё, — добавил он, повернув штурвал так, что лодка чуть не врезалась в дно, — а ещё при помощи него она пытается схватить добычу. В данном случае — нас с вами. Но это ей пока не удаётся.

— А если удастся? — спросил Костя.

— Если удастся, — ответил профессор, отчаянно крутя штурвал, — то перетрёт нашу лодку своими зубами.

— А у неё и зубы есть?

— Ещё какие! Настоящие молоты и наковальни! Но мы постараемся не доставить ей такого удовольствия — расплющить наш «Архей». Попытаемся найти защитников.

— Каких защитников?

— А вот как раз и они, сбоку. Влево смотрите.

Костя и Валя посмотрели влево, но никаких защитников они не увидели. На дне лежали только какие-то полупрозрачные петли толстых канатов.

Профессор направил лодку в самое густое их переплетение. Коловратка не отставала. Она была уже совсем близко, но в погоне за «Археем» угодила в один силек и застряла в нём.

Профессор сбавил скорость.

— Как после мотокросса, — вздохнул он, устало вытирая пот со лба.

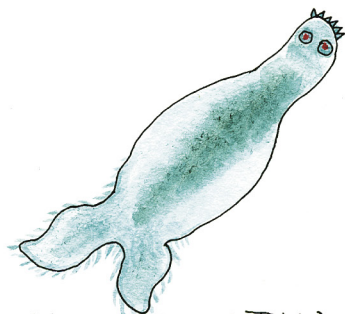
Барсуков развернул лодку и направил её к пленённой коловратке.

— Куда вы? — тревожно спросил Костя, — она же сейчас вырвется и снова на нас нападёт.

— От защитников не вырвется, — уверенно произнёс профессор.

ЛИЧИНКА
РУЧЕЙНИКА

КОЛОВРАТКА

— Так всё-таки кто же эти защитники?

— Грибы.

— Грибы? — Костя и Валя вглядывались, ожидая увидеть шляпки подосиновиков или сыроежек. — Где же здесь грибы?

— Вот эти жгуты и канаты — это и есть грибы, но не простые, а хищные. Видите извивы канатов? Это ловчий аппарат грибов. Если какое либо животное попадает в такую петлю, она сжимается и жертва оказывается в плену. Вот как наша с вами коловратка.

— А потом? — спросил Костя.

— А потом гриб её переварит.

— Если бы мы в такую петлю угодили, нас бы тоже переварили? — насторожилась Валя.

— Ну, во-первых, я очень старался, чтобы мы в такую петлю не попали. А во-вторых, нас бы не переварили — корпус лодки не переваривается. Мы бы просто сидели в грибной петле, — Барсуков взглянул на часы, — ещё час двадцать. Пока лодка не стала бы нормальных размеров.

— Иван Герасимович! Там наверху над нами кто-то проскакал! Огромный! Вот с такими лапами, как ветви деревьев. Он ими дрыгал. Страшный! — завопила Валя.

— Сейчас посмотрим, — сказал профессор и направил лодку вверх. — Судя по твоему описанию, это может быть водяная блоха или дафния.

— Блоха ростом со слона?

— Ты опять забываешь, что мы очень м-а-л-е-н-ь-к-и-е! — наставительно произнёс Костя. — Для нас любая блоха будет казаться размером со слона. Соображать надо!

Валя хотела снова обидеться, но тут профессор воскликнул:

— Это действительно дафния! Маленький рачок из отряда ветвистых.

— А где же у него усы? Разве это у неё такие усы, а не ноги?

— Именно усы, — ответил профессор.

— А что она ест? Нас не слопают? — спросила Валя.

— Для нас она безвредна, ведь основной её корм — бактерии и мельчайшие водоросли. Но кажется, нашей дафнии самой угрожает опасность. Видите те длинные прозрачные «канаты»? Нашему рачку не следовало бы к ним приближаться!

— Тогда давайте дафнию отгоним, — предложил Костя.

— Можно попробовать, — согласился профессор. — Хотя, нет, уже поздно.

Водяная блоха коснулась одну из прозрачных толстых «верёвок», свешивающихся откуда-то сверху, и словно прилипла к ней. «Верёвка» мгновенно сократилась и потянула дрыгающегося рачка вверх. Дафния задела ещё одну «верёвку», потом ещё одну и, дёрнувшись несколько раз, замерла.

— Теперь дафнию никто не спасёт. Гидра парализовала её, — констатировал Барсуков.

— И нас она тоже может парализовать? — ужаснулась Валя.

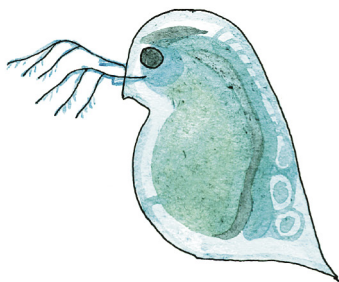
— Стрекательные клетки гидры корпус «Архея» пробить не смогут.

— Как трихоцисты инфузории? Так, значит, нам нечего бояться? Тогда давайте подплывём поближе.

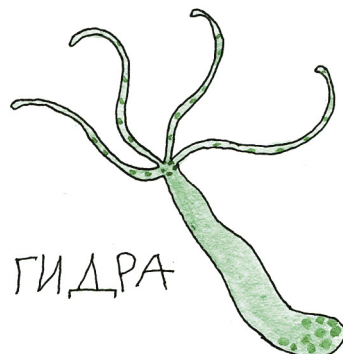
— Я думаю, этого не стоит делать.

— Почему?

— Потому что у гидры, помимо стрекательных клеток, есть ещё и клейкие. Наша лодка будет болтаться на таком клейком щупальце ещё целый час. И

ДАФНИЯ

ГИДРА

мы больше ничего в реке не увидим. Тебе этого хочется?

— Не хочется, — честно признался Костя.

— Тогда будем держаться от гидры подальше. — С этими словами профессор развернул судно.

— Ещё одна дафния! — воскликнула Валя. — Прямо к нам несётся!

— Профессор посмотрел на «дафнию» и, ничего не сказав, круто развернул лодку и резко увеличил скорость.

— Что случилось? — спросил Костя.

— Это не дафния, — мрачно произнёс профессор, — это циклоп.

— Циклоп? Я знаю — одноглазый великан. Тоже из Древней Греции, — сказала Валя.

— А ещё он людей ел, — добавил Костя.

— Описание полностью соответствует нашему преследователю, — подытожил Барсуков, бросая лодку из стороны в сторону и постоянно оглядываясь. — Для нас он действительно и великан, и одноглазый, и если он нас догонит, то непременно проглотит.

Валя и Костя, не отрываясь, смотрели назад, с тревогой наблюдая, как за лодкой огромными скачками мчится длинноусое существо с вытянутым овальным телом.

— Эх, далеко мы с вами от гидры отошли, — с досадой произнёс Барсуков.

— Зачем нам гидра? — не поняли юнаты.

— Гидра для нас в данный момент такой же спаситель, как и хищный гриб. Помните, как мы удирали от коловратки?

— Помним, — подтвердила Валя, — как такие виражи забыть. А-а-а! — закричала она, когда лодка, уходя от циклопа, сделала мёртвую петлю.

— Держитесь, ребята! — приободрил юнатов профессор, — кажется, я знаю, кто нас выручит на этот раз! Я нашел выход!

С этими словами он направил лодку в самую чащу подводных растений.

— Какой же здесь выход, — возразил Костя, — здесь самый настоящий лабиринт.

Мальчик оглянулся и добавил, — а, кстати, этот ваш циклоп тоже неплохо маневрирует в зарослях. Он от нас так и не отстаёт.

— Это не обыкновенное растение... — начал было Барсуков.

— А волшебное! — подхватила Валя.

— Ну, не волшебное, а для нас спасительное. Называется оно пузырчатка.

— Вижу! — воскликнула Валя. — У него на корнях огромные пузыри.

— У него нет корней. Это во-первых. Поэтому пузыри не на корнях, а на стеблях. Это во-вторых. А в-третьих, эти пузыри совсем маленькие. Да и растение, в общем-то, совсем не большое потому...

— Потому что мы сами очень маленькие, — заученно произнесла Валя.

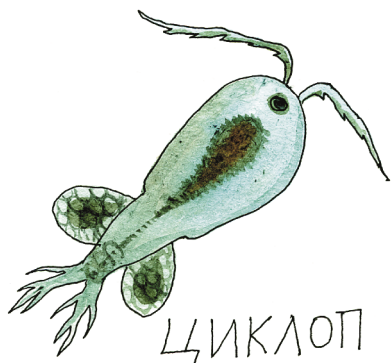
— Вот именно, — подтвердил профессор, заставляя лодку делать немыслимые повороты. Неожиданно он сбросил скорость.

— Что вы делаете? — заволновался Костя, — один прыжок и циклоп нас настигнет!

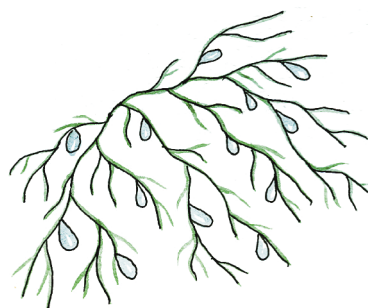
Барсуков ничего не ответил, а медленно направил субмарину к одному из пузырей растения. Вёл он судно очень осторожно.

— Самое главное, — прошептал профессор, — это не задеть вот эти щетинки-сторожки! Ага! Кажется, удалось!

Костя оглянулся.

ЦИКЛОП

ПУЗЫРЧАТКА

— Вот это да! — воскликнул он. — Наш циклоп забрался в пузырь! Да быстро как! Я и глазом не успел моргнуть, а он уже там!

— И не может оттуда выбраться! — добавила Валя.

— Вот на это я и рассчитывал, — пояснил Барсуков.

— На то, что он туда ни с того ни с сего заберется? — недоверчиво спросила Валя.

— На то, что его пузырчатка поймает. Это ведь хищное растение. Оно питается мелкими рачками — циклопами, дафниями и другой водной мелочью. А для того чтобы их поймать, у него на стеблях имеются вот такие полые пузырьки. Каждый пузырёк снабжён чувствительными волосками. Если их задеть, то пузырёк мгновенно, а точнее, за тысячную долю секунды засасывает проплывающего рядом рачка. Вот поэтому вы и не заметили, как наш циклоп там очутился — настолько быстро это произошло. А после этого клапан, находящийся при входе в пузырёк, захлопывается, и добыча оказывается в ловушке. Мы, то есть наша лодка, чувствительные волоски не задели, а гнавшийся за нами циклоп — задел.

— И что же с ним будет?

— Переварит его пузырчатка, вот что будет.

— А если бы мы, то есть вы, то есть наша лодка задела этот самый волосок?

— И нас пузырчатка засосала бы.

— И переварила?

— Переварить не переварила, просто мы бы сидели в нём ещё целый час — до того момента, когда...

— Когда колдовство закончится, — подхватила Валя.

— Какое такое волшебство-колдовство? — возмутился Костя. — Ты не

в сказке, а в процессе научного эксперимента. Тут сплошная наука. Надо говорить «Закончится влияние электромагнитного излучения». Так, Иван Герасимович?

— Можно сказать и так, — кивнул Барсуков, аккуратно выводя синюю субмарину из зарослей пузырчатки.

— А теперь куда? — спросил Костя.

— Найдём где-нибудь спокойное место, где нет ни коловраток, ни гидр, ни циклопов, ни других хищников, и скоротаем время там. Вот, пожалуй, здесь, у этого камня. — И Барсуков направил лодку ко дну.

Но спокойно скоротать время подводникам не удалось. Неожиданно лодку закрутило и потянуло вниз, к камню.

— Мы сейчас разобьёмся! — взвизгнула Валя.

Дно стремительно приближалось. А потом стало темно.

— Где мы? — испуганно прошептала Валя. — Мне страшно. Хочу домой.

— Мы словно сквозь землю провалились! — послышался встревоженный голос Кости.

— Сейчас свет включу, — произнёс Барсуков.

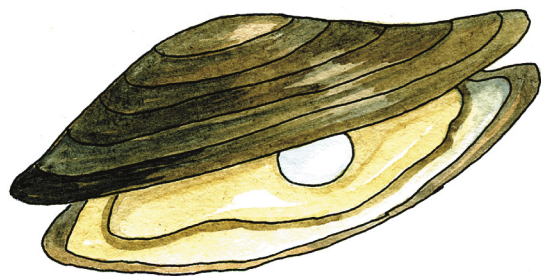
Вспыхнули наружные прожектора субмарины, и путешественникам открылась величественная картина.

Они были в огромной подводной пещере. Потолок и дно скрывались во мгле. Сероватые стены слева и справа зияли многочисленными огромными чёрными отверстиями.

— Куда мы попали, — тихо спросил Костя, — и как?

— Ой, они живые, — пискнула Валя.

— Кто?

МОЛЛЮСК ПЕРЛОВИЦА

ГЛОХИДИЯ

— Стены. Вот одна чуть шевельнулась.

— Да, — прошептал мальчик. — Я тоже заметил.

— А на стенах щетинки есть. И все они колеблются.

— Точно. Где же мы, профессор?

— В раковине моллюска. Скорее всего — в перловице. Тот камень, у которого мы хотели остановиться, оказался глубоко зарывшимся в грунт моллюском.

— Так как же мы в перловицу попали?

— Она нас, то есть нашу лодку, к себе в раковину затянула. Через особый орган, сифон. Стены с отверстиями — это жабры перловицы, усеянные особыми клетками с отростками-ресничками. Эти отростки всё время колеблются и создают ток воды, в который мы и попали.

— Зачем она это делает?

— Она воду засасывает для того, чтобы дышать, а также для того, чтобы из этой воды извлекать различные мелкие питательные частицы.

— «Мелкие питательные частицы» — это мы, то есть наша лодка? — уточнила Валя. — И что, нас теперь переварят?

— Не переварят, — успокоил её Барсуков. — Корпус нашей субмарины очень прочный. Мы тут поплаваем, постараемся, чтобы судно не затянуло в ротовое отверстие перловицы, подождём ещё, — профессор взглянул на часы, — ещё сорок минут, а затем через сифон покинем гостеприимную ракушку. Мне здесь, кстати, нравится — красиво и безопасно — по крайней мере, никакой циклоп или коловратка нам здесь не страшны.

— Смотрите, смотрите! — воскликнула Валя. — На жабрах перловицы висит множество большущих ракушек.

— Ты всё время забываешь, что мы очень сильно уменьшились. На самом деле это крохотные личинки беззубки, — пояснил профессор. — Дожидаются своего часа.

— Может, пока мы здесь, мы жемчуг поищем? В раковинах моллюсков должен быть жемчуг! — предложил Костя.

— В пресноводных моллюсках жемчуг конечно же встречается, но в перловицах этого вида — крайне редко. А

кроме того, если мы и найдём жемчужину, то она нам покажется величиной с гору.

— Жемчужина величиной с гору! — воскликнула Валя. — Посмотреть хотя бы одним глазком! Иван Герасимович, давайте поищем, может, нам повезет!

— Ну, что ж, давайте искать, — согласился профессор. — Даже если не обнаружим, то хотя бы время скоротаем.

И лодка запетляла по ходам подводного лабиринта.

— Вы знаете, нам повезло, — с удивлением произнёс через некоторое время профессор. — Жемчужина.

— Где? — хором воскликнули ребята, всматриваясь в темноту.

— Там, дальше, сейчас подойдём поближе, и вы её рассмотрите.

Впереди, освещённый прожекторами «Архея», засверкал гигантский голубой шар.

— Какая огромная! — заморожено прошептала Валя. — И какая красивая!

— На самом деле она не больше спичечной головки. Сейчас мы попытаемся облететь эту «жемчужную планету».

— «Жемчужная планета»! — восторженно прошептала Валя.

Неожиданно суденышко было подхвачено мощной струёй воды. Лодку закрутило, завертело, ударил яркий солнечный свет — субмарина снова оказалась в реке.

— Это что? Она нас выплюнула? — спросила Валя. — Наверное, не хочет, чтобы мы рассматривали её драгоценности.

Профессор не ответил: лодка почему-то плохо слушалась руля. Барсуков посмотрел вверх и помрачнел.

— Что случилось? — насторожился Костя.

— Объясните, пожалуйста! — взмолилась Валя.

— Хорошо, объясню. Мимо нашей перловицы проплывала рыба. Моллюск это почувствовал и с силой вытолкнул в её сторону струю воды.

— Он хотел её отпугнуть?

— Нет, он хотел, чтобы его маленькие личинки-глохидии, те самые ракушки, которых ты заметила на жабрах перловицы, попали на рыбу. Вот он и вытолкнул их, да и нашу лодку заодно.

— А зачем им рыба?

— Они к ней прикрепляются, раз-виваются, а затем, превратившись в крошечных перловиц, падают на дно. И пока личинки живут на рыбе, они могут покрыть на ней такие большие расстояния, которые никогда сами не смогли бы самостоятельно проползти. Так перловицы расселяются.

— А как же они на рыбе удерживаются? Ведь чешуя-то скользкая.

— Створки личинок имеют шипы. Из-за них личинки и называются глохидиями: от греческого «глохис» — наконечник стрелы. Они ими и держатся.

— И это блохидий своими шипами нас цапнул? — догадалась Валя.

— Не «блохидий», а «глохидий», — поправил её профессор. — Он к рулю «Архея» прицепился. Поэтому наша лодка почти потеряла управление.

Но вскоре судно снова стало слушаться руля.

— В море вышли, — догадался профессор. — В солёной воде личинки перловиц не выживают. Вот наш глохидий и отцепился.

Барсуков посмотрел на часы.

— Ещё двадцать минут, и наше путешествие закончится, — объявил он.

— Раз мы в море, то и дельфинчиков увидим! Так, Иван Герасимович? — обрадовалась Валя.

— Наверняка увидим, — подтвердил Барсуков, но позже.

— Почему позже?

— Потому, — не вытерпел Костя, — что наша лодка станет наконец большая. Может, мы уже сейчас рядом с ними плаваем, но разглядеть их не в состоянии.

— Осталось совсем немного, всего десять минут, и действие излучения закончится, — успокоил ребят Барсуков. — Лодка примет свои обычные размеры, мы подойдём к берегу, я вас высажу, и через четверть часа вы будете дома.

— А вы, Иван Герасимович?

— Обо мне не беспокойтесь. Я пойду грузовик искать, чтобы «Архей» в бассейн доставить.

— За десять минут может много чего случиться, — проворчал Костя.

— Акула! — воскликнула Валя. — И преогромная! Наверное, китовая!

— В этом море нет китовых акул, — наставительно сказал Костя.

— Это конечно же не акула, — возразил Барсуков, увеличивая скорость и крутя штурвал. — Но в данный момент встреча с мальком хамсы для нас нежелательна.

— Эта громадина — малёк хамсы? — удивилась Валя.

— Так точно. И этот малёк питается исключительно планктоном.

Словно в подтверждение этих слов малёк стал приближаться к субмарине. И хотя лодка выписывала невероятные петли, силы были слишком неравные. Через миг свет померк: подводная лодка оказалась в желудке малька.

— И что теперь? — сказала Валя.

Барсуков хотел было ответить, но Костя в свою очередь спросил:

— А почему всё-таки в лодке не темно, а пробивается слабый свет. Откуда он?

Барсуков, забыв про вопрос Вали, повернулся к Косте:

— Потому что наша лодка находится внутри малька. Эта рыбка такая крошечная, что её тельце пропускает солнечные лучи.

— Так всё-таки что теперь? — повторила Валя.

Профессор хотел было ответить, но не успел. Лодку сильно встряхнуло и стало совсем темно.

Барсуков включил освещение салона. Лица ребят были бледные и испуганные.

— Что это, профессор?

— Могу только предположить. Нашего малька проглотила другая рыба. Большая. И свет сквозь её тело уже не проникает. Поэтому там, — и Барсуков кивнул на прозрачный купол «Архей», — такая темень.

— И что теперь?

Барсуков не успел ответить потому, что лодку снова качнуло, а затем путешественники почувствовали, что субмарина стремительно поднимается вверх.

— «Архей», оказывается, и летать умеет? Иван Герасимович, это тоже ваше изобретение? — спросила Валя и, не дождавшись ответа, закричала. — Ой, меня тошнит!

И не удивительно, потому что субмарина с путешественниками внутри начала падать вниз.

— Сейчас мы точно разобьёмся! — завопила Валя.

Профессор хотел было приободрить ребят, но тут лодка прекратила падение и снова начала взлетать.

— Это почище американских горок будет! — простонал Костя.

Валя ничего не сказала потому, что говорить уже могла.

Но профессор, не дожидаясь её вопроса, сам попытался объяснить, что же с ними случилось.

— Наше судно сначала проглотил малёк хамсы, затем малька схватила крупная рыба, наверное, сельдь. Потом эту сельдь поймала в воде чайка и поднялась с нею в воздух, но не удержала добычу и уронила её, но все-таки через несколько секунд сумела снова подхватить рыбу.

— И что же теперь? — в очередной раз спросила Валя.

Профессор взглянул на часы и нахмурился.

— Теперь, — произнёс он мрачно, — нам остаётся только ждать. И надеяться, что чайка сядет на воду до того, как наша лодка начнёт увеличиваться. Иначе «Архей» упадёт с высоты и разобьётся. Счёт идёт на минуты, если не на секунды.

Профессор был прав во всём. Кроме одного. Падавшую сельдку подхватила не чайка, а ловкая и наглая ворона.

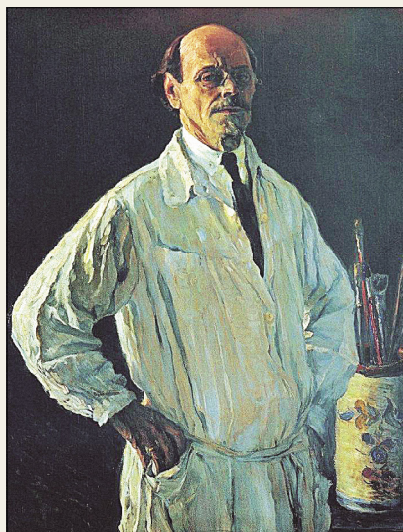
Тем временем вороне с сельдкой в клюве удалось оторваться от преследующей её чайки. Ворона удалялась всё дальше от моря, пролетая над теми местами, по которым час назад двигалась субмарина — над устьем реки, над речными заводами, над быстрым ручьём.

Ворона стала искать тихое и удобное место, где наконец можно было бы спокойно, в безопасности заняться своей добычей — то есть сельдкой.

Ворона наконец нашла такой участок. Птица сначала примостилась на крыше белого домика, потом перелетела на седло ярко-красного мотоцикла, а затем, не выпуская из клюва добычи, перепорхнула на борт большого каркасного бассейна.

Михаил НЕСТЕРОВ

Автопортрет. 1928 г.

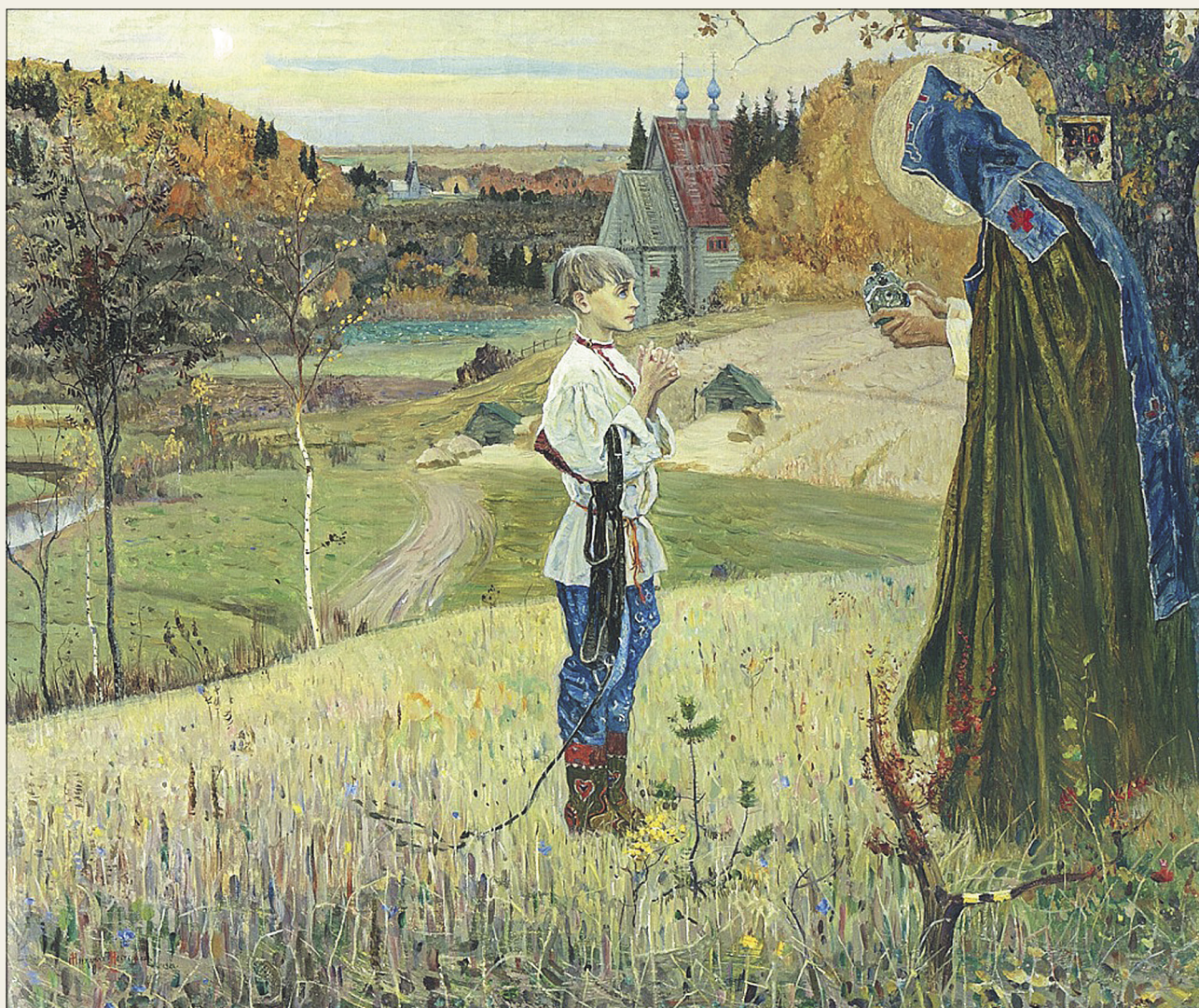
В 1774 году двенадцатилетний паренек из далёкой Уфы поступил в Московское реальное училище. На втором году учебы он посетил 5-ю выставку художников-передвижников. Особенно поразила юного Михаила «Украинская ночь» Куинджи. Луна на полотне сияла так, что некоторые посетители заглядывали за раму, нет ли там лампы? Нестеров был восхищён. С этого момента началось его увлечение рисованием.

Через год Нестеров поступил в училище живописи, ваяния и зодчества.

Учился Михаил Нестеров вместе с Исааком Левитаном и братьями Сергеем и Константином Коровиными. Преподавали в училище Илларион Михайлович Прянишников и Василий Григорьевич Перов.

Автор «Тройки» и «Охотников на привале» был ещё и талантливым педагогом, ученики его просто обожали. Молодёжь ходила к нему толпами. В такие моменты Михаил учился не ремеслу, он учился главному — видеть и понимать натуру, жизнь.

В 1881 году Нестеров переехал в Петербург, в Акаде-

Видение отроку Варфоломею. 1889–1890 гг.

Христова невеста. 1887 г.

мию художеств. Здесь царили консерватизм и рутина. Молодой художник невыносимо скучал, находя уединение только в посещениях Эрмитажа. «Жизнь в Эрмитаже нравилась мне всё

больше и больше, а жизнь в Академии — всё меньше и меньше. Эрмитаж, его дух, стиль возвышали моё содержание. Я проводил там целые дни, созерцая полотна классиков, наслаждаясь и научаясь». Окончательно разочаровавшись в Академии, Нестеров вернулся в Москву.

В 1896 году, спустя год после свадьбы, умерла его супруга Мария. «Любовь к Маше и потеря её сделали меня художником, вложили в моё художество недостающее содержание, и чувства, и живую душу, словом, всё то, что позднее ценили и ценят люди в моем искусстве», — писал художник.

Евангельские сюжеты стали основными темами его картин. Святые, монахи и паломники — их главные герои. «Я избегал изображать так называемые сильные страсти, предпочитая им наш тихий пейзаж, человека, живущего внутренней жизнью». На фоне такого печального осеннего пейзажа появилась «нестеровская девушка». «С этой картины, — писал живописец, произошёл перелом во мне, появилось то, что позднее развилось в нечто ценное, определённое, давшее мне свое лицо». Без «Христовой невесты» не было бы того художника, имя которому — Нестеров.

Душа народа. Христиане. 1914–1916 гг.

Философы. 1917 г.

Впоследствии, критики скажут, что это момент рождения Русского искусства, тема мятущейся души, готовой скрыться от мирских волнений и горестей за стенами тихой обители.

Вслед за «Христовой невестой» мастер пишет картину «Видение отроку Варфоломею». Нестеров долго искал, каким должен быть его отрок Варфоломей уже отчаявшись найти подходящий облик, он случайно встретил на деревенской улице подростка с бледным лицом, широко открытыми глазами и тоненькими ручками. В этом существе «не от мира сего» художник и увидел своего отрока.

Картина стала сенсацией 18-й выставки художников-передвижников. И вот уже две картины Нестерова: «Пустынник» и «Видение отроку Варфоломею» куплены Третьяковым. «Я не писал, я не хотел писать историю в красках, я писал жизнь русского человека, чуткого к природе и её красоте, любившего родину и стремившегося к правде».

Свыше 22-х лет своей жизни отдал Нестеров росписи храмов и иконописи. Началось всё с того, что картина «Видение отроку Варфоломею» понравилась Виктору Васнецову, работавшему над росписью Владимирского собора в Киеве. В храме предстояло написать князей — защитников Руси: Андрея Боголюбского, Михаила Черниговского, Александра Невского, великих подвижников: Нестора-летописца,

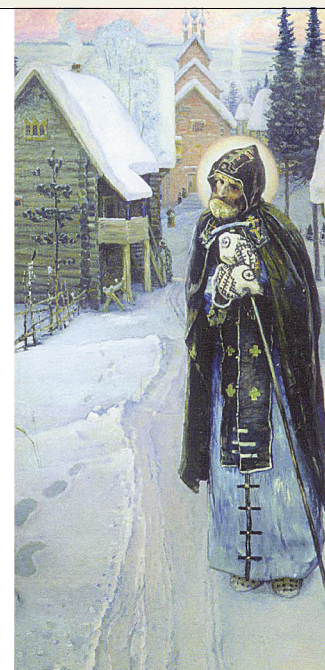

Лисичка. 1914 г.

иконописца Алипия и других. Предложение Васнецова работать вместе Нестеров принял с радостью: «Там живёт мечта, мечта о русском ренессансе, мечта о возрождении давно забытого искусства Дионисия, Андрея Рублёва», — с восторгом писал Нестеров о великом храме.

Нестерову принадлежит галерея проникновенных полотен: «Пустынник», «Великий постриг», «Лисичка». Нестеровская красота Руси — это красота лирическая, сердечная, это сила молитвы и тихий свет веры, это мощь и величие истории.

Труды преподобного Сергия Радонежского. Триптих. 1896–1897 гг.

Использованы материалы канала «Спас»

Здесь она огляделась, зажала селёдку лапой и изо всей силы ударила клювом по рыбьей голове.

Именно в это время внутри «Архея» показатель таймера остановился на цифре «0», и субмарина стала стремительно увеличиваться. Ворона испуганно каркнула, выпустила раздувающуюся селёдку, и та упала в воду. Ворона ещё раз каркнула, взлетела, села на «прожектор» и оттуда, с безопасного расстояния, стала наблюдать.

Из лопнувшего рыбьего брюха показался «Архей». Субмарина стремительно увеличивалась в размерах и уже через минуту стала точно такой же, как и два часа назад.

— Где мы? — спросила Валя, оглядываясь.

— Мне кажется, мы... — начал было Костя, осматриваясь, — мы в нашем, то есть в вашем бассейне!

— Этого не может быть! — воскликнул Барсуков. — Мы должны находиться у берега моря!

— Иван Герасимович! — строго посмотрел на Барсукова Костя. — А может быть, мы никуда и не плавали? Может быть, это у вас такой аттракцион для доверчивых детей? Может, лодку вы просто специальными моторами раскачивали? А вместо этого стеклянного колпака — и мальчик развел руками — в вашем «Архее» стоит объёмный монитор и вы нам все два часа просто 3D анимацию показывали?

Барсуков ничего не ответил. Он растегнул ремни безопасности, встал с кресла, и открыл люк. Внутрь лодки пахнул тёплый южный летний ветерок. Барсуков вылез наружу.

— Поднимайтесь на палубу, я кое-что вам покажу, — позвал профессор.

Из люка показался сначала Костя, затем Валя.

Профессор своей красной бейсболкой пытался достать плавающую по поверхности селёдку с разорванным брюхом. Наконец ему это удалось.

— Вот в ней мы и прибыли, — произнёс профессор, копаясь в рыбьих внутренностях.

— А вот это узнёешь? — И он протянул распотрошённую рыбу Вале. — Вот там, в желудке видишь?

— Малёк, — сказала Валя. — Какой крошечный!

— Этот малёк нас и проглотил. Правда, тогда он тебе казался размером с китовую акулу.

— А кто же нас сюда принёс? — не унимался Костя. — Ведь чайки на дачи не залетают.

— Вот этого я тебе сказать не могу, — честно признался Барсуков. — Это может быть любая птица. — И, взглянув вверх, добавил: — Вот хотя бы эта ворона.

Но ворона сделала вид, что никакого отношения к данной селёдке не имеет.

— И вот ещё несколько деталей, которые, может быть, развеют сомнения Кости относительно того, что мы действительно путешествовали в микромире. Видите? Вмятины в корпусе, словно от крупного града. А ведь их не было!

— Видим, — хором сказал ребята.

— Это нас атаковала инфузория-туфелька.

— Трихо... трихо... — тщетно пыталась вспомнить слово Валя.

— Трихоцистами, — подсказал сестре Костя.

— Молодец, запомнил, — похвалил профессор. — А этот шрам? — И Барсуков указал на руль «Архея». — Это ведь след глохидия.

Барсуков зачалил лодку, а затем помог юннатам спуститься на землю.

— Наши сачки! — воскликнула Валя, поднимая их с земли. — А мой почему-то мокрый...

Дверь домика открылась, и оттуда вышла Лена, внучка Барсукова.

Она радостно бросилась к деду, но, заметив незнакомцев, остановилась. Потом Лена, преодолев смущение, приблизилась, и, поздоровавшись с юннатами, обратилась к Барсукову:

— Дедушка, а я сегодня лягушку спасла!

— Ты у меня молодчина! — произнёс Барсуков, закрывая люк субмарины.

— Она в бассейн запрыгнула, и выбраться не могла.

— Хм, как же ей удалось на такую высоту запрыгнуть.

— Не знаю, когда я подошла, лягушка уже там плавала. Маленькая такая, зелёная.

— Понятно, — сказал профессор. — Это, наверное, квакша с дерева свалилась. И что же ты сделала?

— Я сначала взяла сачок — вот этот. — И Лена указала на Валин сачок. — Потом сачком поймала лягушку, потом посадила её в свое ведерко, потом зачерпнула туда воды...

— Из бассейна? — взволнованно спросил Барсуков.

— Из бассейна, — подтвердила Лена, — потом...

— А потом пошла вниз в овраг и вылила воду с квакшей в ручей.

— Правильно! — удивилась Лена. — А как ты догадался?

— Так вот кто виновник наших сегодняшних приключений! — воскликнул профессор.

— Жутких приключений! — добавила Валя.

— Невероятных приключений! — поддержал сестру Костя.

— Я же предупреждал: когда висит эта табличка, — строго произнёс профессор и ткнул в надпись «Не подходить! Идёт научный эксперимент!», — к бассейну нельзя приближаться!

— Я только лягушку хотела спасти, — тихо произнесла Лена.

— Ну ладно, что было, то было. Хорошо, что так всё закончилось. Хотите, я вас на мотоцикле домой отвезу? — обратился Барсуков к ребятам.

— Нет, мы, пожалуй, лучше пешком дойдём! — ответила Валя, покосившись на огромный мотоцикл Барсукова. — Мы сегодня уже накатались.

— Ну как хотите. Успеете на обед?

— Успеем! Большое спасибо вам, профессор, — произнёс Костя.

— Спасибо, Иван Герасимович! — поддакнула Валя — было очень интересно и очень познавательно. — И, подумав, добавила: — И ещё очень страшно.

Барсуков проводил их до ворот, и юннаты побежали по улице вниз, к своей даче.

Они успели вовремя. Валя и Костя вымыли руки, сели за стол и принялись наперебой рассказывать родителям, что с ними приключилось: и про то, как они

удирали от циклопа, и как они нашли жемчужину размером с гору, и как их спас хищный гриб, и как они летали в селёдке.

Взрослые слушали и только качали головами.

— И с кем же вы в этой подводной лодке плавали?

— С профессором Барсуковым, — ответил Костя.

— Ах, с Барсуковым. Тогда всё понятно — он известный оригинал, и к тому же фантазёр. А теперь без разговоров, оставьте ваши сказки и давайте кушать — суп стынет.

Валя и Костя переглянулись, заговорщицки подмигнули друг другу и молча начали поглощать суп.

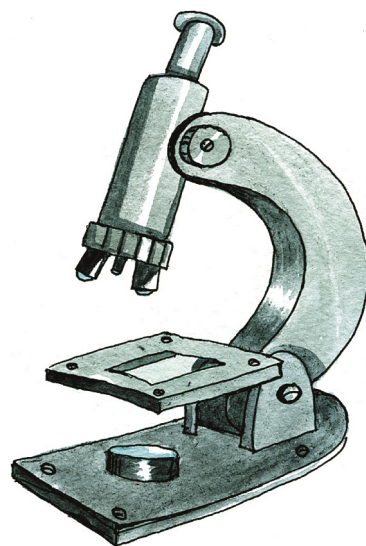
Больше к этому разговору они не возвращались.

Но их родители были немало удивлены тем, что и Костя, и Валя совсем забросили свои сачки и перестали гоняться за бабочками.

Ещё больше они удивились тому, что юннаты стали просить купить им микроскоп. Родители наконец сдались и приобрели этот оптический прибор.

Вскоре они обнаружили, что ребята вовсе не изучают кожицу лука или крылья бабочек.

Костя и Валя увлечённо рассматривали капли воды. Они приносили воду отовсюду — из ручья, из речки, из лужи и даже из моря и, поочередно заглядывая в окуляр, произносили какие-то непонятные слова вроде «трихоцисты», «коловратка» или «глохидий».

Протоирей
Леонид Коркодинов
Художник Г. Мазурин

Карантин

Я живу у бабушки с дедушкой уже два месяца, потому что в нашем детском саду поселился Карантин. Кто это — мы с ребятами не успели узнать, так как встревоженные родители перестали нас туда водить.

— Мама, а кто он такой — Карантин? — спросил я маму в автобусе, когда мы ехали в гости к бабушке. Мне казалось, что это какой-то сказочный великан.

— Как тебе объяснить? Ну, это время, когда никто не может находиться в помещении.

— А-а, ясно-о, — протянул я. — А почему?

— Потому что опасно для здоровья. Можно заболеть.

— А он долго будет жить в нашем садике?

— Думаю, месяц, может, два. Не больше. Не переживай. А ты пока у дедушки с бабушкой поживёшь. Они уже сильно соскучились по тебе. — Мама своим пальчиком надавила мне на нос, и я засмеялся. Мне объяснили, что па-

пе с мамой нужно каждый день ходить на работу и со мной просто некому сидеть. Пришлось взять с собой сменные вещи, книжки, игрушки. А ещё на днях папа подарил мне настоящую лупу, и я, как сыщик, с ней не расставался. Оказалось, очень интересно изучать различные следы, разглядывать паутины.

В квартире у дедушки с бабушкой для меня, как сыщика, был простор. Ещё бы! Две комнаты, кухня, прихожая, кладовка, ванная с туалетом — и всё это мне одному. Я за несколько дней каждую щёлочку облазил. Вот только на днях закончил исследовать тёмные углы под диваном. Где темно, там всегда интересно и опасно. А что мальчишке надо?

— Всю пыль собрал? — спросила меня бабушка, то ли ругая, то ли шутя, когда я вылез из-под дивана довольный. Она в десятый раз отряхнула мне штаны, а я, тут же вырвавшись, побежал на кухню.

На кухне пахло уютом. Там постоянно гремели крышками кастрюли, что-то жарилось, весело шкварча, на плите. Бабушка была генералом на кухне, потому что все её слушались. Даже дедушка, как солдат, часто чистил картошку.

— Вот, Иван, — говорил он мне, — учись, пока молодой, в армии пригодится.

И я с увлечением смотрел, как кожурная змейка вырастает, извиваясь, изпод дедушкиного ножа.

Больше всего я люблю крутиться волчком возле бабушки. Прятаться под её застиранный фартук.

— Ваня, перестань вертеться. Мешаешь. Дед, займи его чем-нибудь, — беспомощно вздыхала бабушка.

— А ну, иди-ка сюда, — подозвал меня как-то дедушка. — Что же тебе показать? — в задумчивости проговорил он, когда мы вошли в комнату.

— Дедушка, а покажи, что в шкафу со стеклянными дверцами, — подсказал я. В этот шкаф мне нельзя было лезть. Я прижимался носом к мутному стеклу, пытаюсь разглядеть книжки и альбомы.

— Это моя библиотека, — объяснил дедушка, поворачивая ключ в маленьком замке. — Всю жизнь собирал по крупицам. Книжки — это большая ценность. Кладёшь знаний.

— Что такое кладёшь? — перебил я.

— Кладёшь — значит колодец по старинному. Ну, из которого воду черпают ведром.

— А как из книжки черпать?

— Читать сё надо, внимательно вчитываться в каждое слово. И ты найдёшь много интересного и полезного. — Дедушка бережно достал книгу с тёмными кожаными корочками.

— Это старая книга? — спросил я.

— Древняя, — поправил меня он. — Месяцеслов. На древнеславянском языке написана. Был у наших предков такой язык. А писали гусиными перьями тушью.

— Ты, наверное, всё-всё на свете знаешь, раз столько книг прочитал? — спросил я.

— А ты хочешь всё знать? — в ответ спросил меня дед.

— Ага!

— Выбирай любую книгу. С чего начнёшь?

— А в этой книге, деда, и картинки, наверное, древние?

— В этой книге картинки необычные, — стал объяснять дедушка, — не такие, как в твоих детских книжках.

— Необычные? Волшебные, что ли? — Я всегда надеялся, что волшебники водятся на свете.

— Нет, не волшебные, а святые.

— Свя-ты-е, — повторил я за дедушкой. Мне стало жутко интересно. Я часто слышал, как вечерами бабушка в своей комнате шёпотом повторяет: «Святый Николае, моли Бога о нас».

— Такие изображения, — продолжал дедушка, — где нарисованы святые люди, называются иконами. Вот посмотри. — Дедушка открыл книгу с пожелтевшими страницами. На листе был нарисован человек с бородой и в длинной одежде, а рядом с ним дикий зверь. Я сразу зверя узнал.

— Это же лев, дедушка! Он тоже святой?

— Это святой Герасим и его лев. Молодец, узнал этого хищника. Но со святым Герасимом он был как ручной котёнок. Здесь в книге написано, как Герасим вылечил этого льва и он, в благодарность за исцеление, служил потом всю жизнь ему и даже умер на могиле старца.

Мы листали с дедушкой древние страницы, которые местами прогрыз жучок, наверное, тоже древний.

Картинок в книге было много, но ещё больше — буковок. Первые буквы — особенные: крупнее остальных, причудливых форм, с красивыми завитушками. Я водил по ним пальцем, повторяя замысловатый узор, похожий то на диковинный цветок, то на зверя, и долго рассматривал каждую такую буквицу, представляя, как её когда-то очень давно кто-то древний выводил гусиным пером.

Буквы сначала были ровными, но постепенно стали наклоняться, наклоняться и потом совсем выстроились в ровную полосочку....

Потом я почему-то очутился в своей постели. Оказалось, было уже утро.

— Что, удивлён? — спросила меня бабушка, зайдя в комнату. — Ты прямо за столом заснул, а дедушка тебя перенёс на диван. — Бабушкины морщинки улыбались. — Вставай, внучок, хватит уже нежиться, а то в принцессу превратишься.

— Какую ещё принцессу? — сморщился я.

— На горошине. — Бодрый голос бабушки окончательно меня разбудил.

А всё же увлекательное это дело — черпать знания.

Если бы проводили чемпионат мира по приготовлению борща, моя бабушка заняла бы первое место. Я в этом нисколько не сомневаюсь.

Бабушкин борщ всегда наваристый, густой и даже на вид очень красивый. А главное — он такой вкусный! А ещё я даже не подозревал до вчерашнего дня, что он очень жирный и скользкий...

Мне вчера сильно не повезло. Грустно, когда не везёт. Сначала всё складывалось хорошо: бабушка ушла в магазин за хлебом, оставив меня одного дома. Дедушки тоже дома не было. Красота! Я тут же решил, что сюрприз очень обрадует бабушку. Мы сегодня ещё не обедали, и я, забравшись на табурет, взял с полки две глубокие тарелки. Из ящика комода достал ложки. Поднял с плиты кастрюлю с борщом, чтобы переставить её на стол, а она вдруг предательски выскользнула из моих рук, перевернулась в воздухе и полетела вниз. Весь борщ оказался на полу. В кастрюле только ложки две — не больше — оставалось. «Сейчас бабушка придёт! Что делать? — растерялся я. — Вот был бы у меня друг — лев, он бы всё это мигом слизал». Но пришлось справляться самому.

Борщ был холодный и никак не хотел собираться обратно в кастрюлю. Я собирал его ладошками, но он продолжал растекаться по полу. Пятно жира я так и не смог убрать. Скользкие ладошки

сильно пахли мясом, свёклой и жиром. Я постарался их вытереть о полотенце. Запах не исчез, а на полотенце появились оранжевые пятна. «Раз оно уже в борще, хуже не будет», — подумал я и вытер им жирное пятно с пола. Грязное полотенце я не повесил обратно на крючок, а запихнул под диван. «Там темно, и кроме меня туда никто не залезет. Недавно проверял. Ну, хоть это я ловко придумал», — так думал я.

Сюрприз для бабушки все же удался. Когда она вернулась, то обнаружила меня стоящим в углу. Ничего не понимая, она прошла на кухню, всплеснула руками и... сначала заохала, а потом засмеялась.

«Вы только подумайте: сам себя в угол поставил! Такого я ещё на своём веку не видывала! — рассказывала она вечером родителям. — Он меня обезоружил. Хорошо ещё, что не успела кастрюлю разогреть». Родители тоже дружно смеялись вместе с бабушкой. Только мама потом мне строго сказала: «Сынок, больше с плиты ничего не бери! Опасно! Представляешь, если бы борщ был горячим?»

— Мама, я полотенце под диваном спрятал, — признался я.

— А мы уже знаем, — сказала спокойно мама. — Дедушка нашёл. По запаху! — Мама, улыбаясь, посмотрела на меня.

— Ничего себе! — удивился я, почёсывая затылок. — Дедушка-сыщик!

Через пару дней меня снова повели в детский сад. Карантина там уже не было. Это и понятно. Одному ему что в пустых группах делать? Каждый заскучает!

Я, даже не попрощавшись с мамой, сразу побежал к ребятам. Нам всем не терпелось рассказать друг другу, что интересного произошло с каждым за это время — время карантина.

художник Артур Ковалёв: суровая красота Камчатки

Олег Трушин

Во время поездки на Камчатку я познакомился с замечательным человеком и художником — Артуром Викторовичем Ковалёвым. Его работы находятся во многих частных коллекциях мира, в том числе в Германии, Франции, Дании, Испании, США, Канаде, Японии... Столице Камчатского края — городу Петропавловск-Камчатскому — Ковалёв подарил много своих работ. Именно Камчатка — главный объект его творчества, источник вдохновения. Здесь, на Камчатской земле, прошло его раннее детство и юность. А родился будущий русский художник 28 августа 1974 года в городе Красный Сулин Ростовской области. Но уже через три месяца переехал вместе с родителями в небольшое село Тилички, что на северо-востоке Камчатки, на самом берегу залива Корфа студёного Берингова моря. Суровая природа северной Камчатки на многочисленных полотнах Артура Ковалёва не что иное, как дань истинного уважения к этому краю, полюбившемуся с детства.

Любовь к искусству, к живописи, скульптуре проявилась у Артура рано. По возвращению с родителями на «большую» землю в город Красный Сулин, а было Артуру на тот момент всего лишь 7 лет, он стал брать частные уроки у знаменитого художника — Александра Григорьевича Ходакова,

в прошлом выпускника Художественной Ростовской студии имени Грекова.

В 1986 году в столице Болгарии городе Софии проходила Всемирная выставка детского художественного творчества, на которой было выставлено несколько работ юного художника. Работы Артура Ковалёва имели огромный успех! С этой памятной выставки художественное творчество для молодого художника становится осознанным выбором жизненного пути.

Но не только в живописи проявил себя молодой художник. Артур Ковалёв ещё и умелец художник-косторез. После того как в 1988 году Артур вместе с родителями вновь вернулся на Камчатку, он устраивается косторезом в сувенирный цех Петропавловского государственного промыслового хозяйства. Уже в это время его художественные работы по кости восхищали зрителей. А чуть позже, на художественной выставке «Художественная кость России», проходившей в 1992 году во Всероссийском музее декоративно-прикладного искусства в Москве, работы Артура Ковалёва — художественная резьба (гравюры) на клыке моржа были признаны по технике исполнения как не имеющими аналогов в мире.

Окончание Московского художественного колледжа стало для Артура Викторовича

Битва В. Атласова с коряками на реке Палана

своеобразной стартовой площадкой для поступления в Российскую Академию живописи, ваяния и зодчества Ильи Сергеевича Глазунова, на кафедру реставрации и живописи.

Учёба в академии ещё более упрочила талант художника. Он много рисует, работает над художественным стилем, усваивая для себя школу лучших традиций отечественного и европейского изобразительного искусства.

Для себя как художника Артур Владимирович выбрал не простой стиль рисования, присущий мастерам классической русской и европейской школы живописи. Не случайно Артур Викторович ещё и мастер превосходных копий с работ известных классиков мировой живописи.

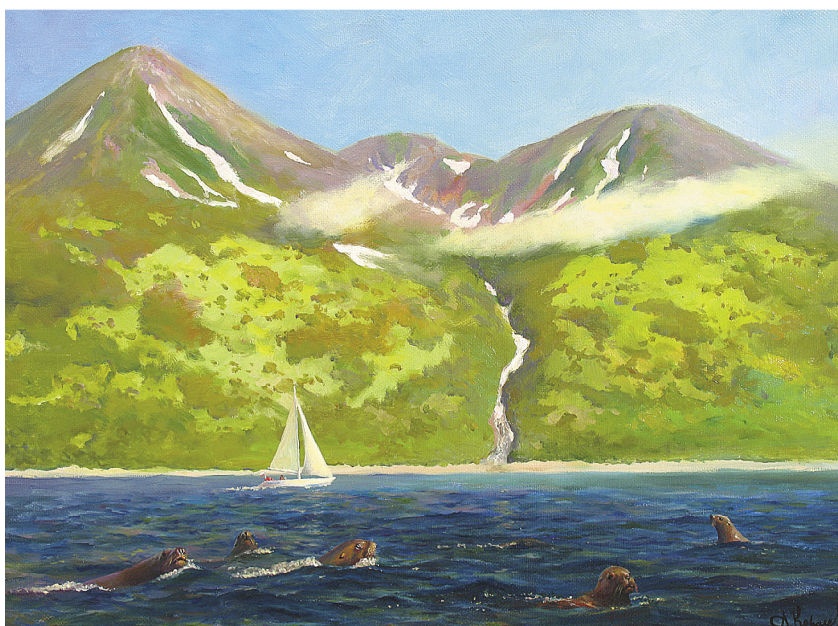
В 1999 году Артур Ковалёв успешно заканчивает Академию художеств с квалификацией художника-реставратора станковой темперной живописи по специальности «Живопись». Его дипломной работой стала реставрация икон — ещё одна удивительная грань этого замечательного русского художника.

Уже на первом году обучения живописные полотна Артура Ковалёва, первоначально выставленные на обозрение на Всероссийской выставке академии живописи, ваяния и зодчества, проходившей в Манеже, попадают в музейные фонды академии. В 1995 году яркий, талантливый художник становится членом Всемирной ассоциации художников учреждённой ЮНЕСКО.

Слава о художнике вскоре доходит и до родной земли Камчатки. За год до окончания академии, в Петропавловске-Камчатском, в 1998 году, в Выставочном

Авачинская бухта

Бухта Моржовая, Камчатка

комплексе проходит первая персональная выставка художника Артура Викторовича Ковалёва, где на обозрение были выставлены более полусотни работ мастера живописи: пейзажи, портреты и, конечно, виды любимого севера, Камчатки.

В 2002 году в Камчатском выставочном центре в Петропавловске-Камчатском и в городе Елизово состоялась вторая персональная выставка Артура Викторовича Ковалёва, имевшая ошеломляющий успех у посетителей.

В 2003 году Артур Викторович уезжает в Португалию, в Лиссабон. Это ещё одна замечательная страница в жизни мастера живописи. За восемь лет жизни в этой стране Артур Ковалёв создал десятки художественных полотен, многие из которых ныне украшают государственные учреждения страны. Не один десяток персональных выставок, проведённых художником в Португалии, сделали имя Артура Викторовича Ковалёва знаменитым на всю страну. Ведь недаром его имя включено в каталог лучших художников Португалии.

В 2011 году Артур Викторович вновь возвращается в Петропавловск-Камчатский, где и проживает ныне.

Дорогой сердцу художника север, Камчатский край! Любитель путешествовать, Артур Викторович Ковалёв проехал его вдоль и поперёк. И во время своих путешествий конечно же много рисует. На его многочисленных полотнах изображена природа Камчатки, её достопримечательности и животный мир, культура, запечатлены образы людей, тесно связавших свою жизнь с этим суровым краем, прославившим его. Всмотриваясь в картины Артура Викторовича Ковалёва видишь словно в открытом окне удивительный, пленительный мир первозданной природы Камчатского края, Командорских островов, Ямала, видишь порой то, что практически недоступно для обычного человека — ведь добраться до того, что изображено на картинах художника, весьма не просто.

Вот таинственная Долина гейзеров и долина кратера вулкана Узон. Проведя несколько дней в этих заповедных, реликтовых уголках Камчатского края, Артур Викторович создал целый цикл живописных полотен, посвящённых этим местам. Океанские и морские просторы с их обитателями, подножия вулканов и сами грозные их пики, утопающие в кудлатых облаках, суровая природа Крайнего Севера и конечно же люди, живущие там.

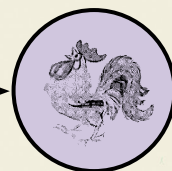
Камчатский медведь. На картинах Артура Викторовича образ этого зверя встречается очень часто. Вот отдыхающий медведь на фоне радуги, а вот и медведица, бродящая с медвежатами на песчаной береговой отмели. А вот медведи вулкана Узон, пасущиеся на фоне парящих горячих источников. Особенно впечатляет картина «Карноухий готов к спячке». Это не простой медведь. Карноухий, это его кличка. О его существовании художник услышал от Виталия Николаенко, биолога, инспектора Кроноцкого заповедника, которого Артур Викторович хорошо знал.

Всвоей небольшой статье «Медведи Камчатки», опубликованной в шестом номере журнала «Охота и охотничье хозяйство» за 1985 год, Виталий Николаенко так определял данную кличку огромному медведю, жившему в Долине гейзеров: «За 15 лет моей работы в Долине гейзеров такой доверчивый медведь — исключение. ... Особо поразила его худоба, драное ухо и шрам на лбу. ... Это смятое, корявое ухо стало причиной клички — Карноухий».

Картини Артура Ковалёва на выставках всегда привлекают огромное количество ценителей его искусства.

Художник
Т. Ларионова

СКАЗКИ
для ДЕТИШЕК,
СЕСТРЁНОК
и БРАТИШЕК

На холодном морском побережье родилась птица с большими крыльями. Ей приходилось много летать, чтобы жить.

— Не понимаю, — пробормотал, наблюдая за птицей, розовый камень с серыми пятнами. — У тебя выходные бывают или отпуск?

Любопытный камень прибыл весной в половодье из неизвестных земель. Камень любил поговорить. В пути он так надоел своими расспросами водорослям и рыбкам, что волны с удовольствием выбросили его на берег.

— Мне нужно много трудиться! — ответила камню птица.

— Зачем? — удивился камень.

— Чтобы добывать пищу и веточки для гнезда, — взмахнула крыльями птица, — видеть мир, порадовать своё сердце. Когда взлетаешь — душа поёт!

Камень хотел усмехнуться с тонкой небрежностью. Но побоялся, что у него появятся глубокие трещины.

— А на моей родине никто не работает, — выдавил из себя камень. — Много вкусных продуктов и воздух тёплый.

Птица недоверчиво посмотрела на него.

— Могу дать точные координаты и журнальчик географический, — предложил камень. — Лети!

От журнальчика птица отказалась, но координаты непонятного места запомнила.

Несколько дней она не решалась отправиться в путешествие. Птица летала высоко в небе и размышляла о своей судьбе. «Разве я — лентяйка? — думала птица. — Я всегда тружусь, у меня большие кры-

Большие крылья

ля... Но подниматься вверх тяжело... Наверное, я устала бороться за жизнь. Если камень не обманул меня и есть земля, где можно не летать высоко, почему бы мне не попробовать там пожить?»

Птица посмотрела на свои большие крылья. «Ничего с ними не случится! — решила птица. — Будут у меня не для работы, а для симпатичной внешности».

Прилетев на родину камня и немного отдохнув с дороги, птица по привычке поднялась ввысь, но... Тут же опустилась на землю. Заутраки, обеды, ужины и веточки для гнезда

были на каждом шагу — стоило только клюв протянуть! Зачем же летать?..

В первое время птице было немного совестно пользоваться богатствами странной земли. По-немногу она приучилась лениться, брать чужое и перестала обращать внимание на свои крылья.

Непонятно почему, но птица не ведала счастья. Жизнь словно спряталась от неё. Не только дни, даже многие годы, умудрялись бесшумно проскользнуть мимо растерянной птицы.

— Догоню! — закричала птица, когда ещё один год покинул её, ничего не оставив на память. Она попыталась взлететь. И вдруг заметила, что её крылья стали слабыми и совсем крохотными. Долгое время безделья и низкой жизни не прошло даром. Птица печально шагнула по земле и остановилась. Она поняла, что тоскует по высоте.

«Чтобы не потерять оставшиеся годы, я должна вернуть себе большие крылья», — подумала птица.

С этого дня птица вновь начала учиться летать. Она не боялась упасть. Она думала о том, как ей подняться в небо. Сначала крылья не слушались птицу и не могли справиться даже с лёгким встречным ветром. Но постепенно они становились сильнее и крепче. Когда птица услышала, как запела её душа, она поняла, что взлетела высоко в небо. Птица посмотрела на свои крылья. Большие, яркие, они сияли на солнце! Слегка наклонив голову, птица взглянула на тех, кто остался внизу...

Не забывайте о своих крыльях!

Сказочное утро

Художник Т. Погудина

С утра казалось — ещё одно неласковое утро, ещё один ненужный день... Даже просыпаться не хотелось, хотя сны тоже не радовали разнообразием. Снилось что-то нудное, скучное, монотонное. А сквозь сон постоянно всплывала мысль о том, что скоро зазвенит будильник, а значит, надо успеть как следует выспаться. Из мира снов тоже хотелось вырваться, но — куда? В реальность? Реальность была ничем не лучше. Вот если бы был ещё какой-нибудь третий вариант...

Немного порадовала погода. За окном падал снег, падал красиво и легко, и если бы не паршивое настроение, этой красотой даже можно было бы полюбоваться, выпить чашечку кофе у окна, подумать о чём-то приятном. А так... Олег только бросил быстрый взгляд в окно, отметил про себя, что за окном очень красиво, так красиво, как обычно бывает только в сказках, ну, или в детстве на каникулах, но уж никак не в реальной жизни, не в утро понедельника, и хмуро отвернулся.

Итак, думал он, привычно разбивая утро на составляющие, сейчас я найду тапочки, потом поставлю чайник, бегом бегу в ванную, умываюсь, бегом пью кофе, одеваюсь и бегу на работу. А ведь я когда-то планировал начать бегать по утрам. Ну, что ж, считай, начал.

Настроения такой план не прибавил, но другого у него не было.

Всё-таки странно, продолжал размышлять Олег, ну как, как так вышло, что я взрослый человек, вроде не дурак... не самый большой дурак, и живу такой странной загнанной жизнью. Почему? Я же не болен, не в тюрьме... Я свободен и независим... почему же я так жалок и мелок? Почему я втиснут в эти глупые рамки привычек и обязанностей? Да ещё и начальство на работе распекает ни за что, ни про что, отчитывает, как маленького, за опоздание... А я, взрослый человек, должен это терпеть. Бред. Ну как так вышло? Да была бы ещё хоть работа стоящая, а эта...

Вот что мне сейчас сделать? Бежать на работу, в своё вечное стойло, впрягаться в ту же надоевшую узду, вставать под тот же хлыст? Или... или что? Ведь как-то же люди меняют свою жизнь. Вот бы кто меня научил. Нет, я конечно же могу взять и остаться дома. День не выйти, два... уволиться

Иван Коростелёв

к чёрту... но что потом? Разве это что-нибудь изменит? Нет, не изменит. Ну, проваляюсь в постели... В окно посмотрю. Потом включу компьютер... А дальше-то что? Устроюсь на новую, такую же плохую и неинтересную, работу. Ничего не делать, это слишком мало. Эх, пустое это всё. Хорошо предаваться мечтам. Минутка свободы закончена. На старт, внимание, марш!..

Улица встретила Олега пригоршней снега в лицо. Это было даже приятно. Почти как кофе. А в сочетании с недавно выпитым кофе, и вовсе здорово бодрило. Ещё бы зарядочку сделать... да снежком расктереться... Эх, где мои пятнадцать лет. А что было в пятнадцать? — вдруг задумался Олег. Я так же нехотя просыпался, спешил в школу, мечтал — скорее бы вырасти... Теперь те времена вспоминаются с тихой грустью и ностальгией... а по сути, что в них было хорошего? Может быть, прошлое всегда лучше настоящего?

Кажется, мечта сбылась, я уже вполне вырос...

Олег быстрым шагом, насколько позволял выпавший за ночь и так и никем не убранный снег, зашагал на работу, хмуро глядя себе под ноги.

— Дяденька, дяденька!..

Олег не сразу понял, что обращаются к нему. Ах, вот оно что. Все-таки к нему. Надо же. Каждый раз

так непривычно оказаться «дяденькой». То какая-нибудь женщина в магазине пригрозит плачущему ребёнку — «вот будешь капризничать, оставлю тебя здесь. Пусть тебя дяденька заберёт!» Теперь вот и сами дети на улице дяденькой называют. Может сбрить к чёрту эти дурацкие усы? И вообще давно пора привыкнуть бриться каждое утро.

Девочка, маленькая, Олег, будучи сам бездетным, даже не смог точно определить, какого именно возраста, ловила его взгляд и явно ждала какой-то помощи. Одета она была в длинное пальтишко и шапку-ушанку. Ой, какая хорошенькая, подумал Олег. Как маленькая девочка-Снегурочка из сказки. Он тут же остановился, всем своим видом показывая готовность помочь, дабы сразу успокоить девочку. Потерялась, поди, вот и ревёт. Или в подъезд попасть не может... ключи потеряла... Олег тут же за-

был, что ещё минуту назад опаздывал на работу и боялся неприятного разговора со строгим начальством.

— Ну, чего случилось? — немного грубовато спросил он.

Девочка начала взахлёб рассказывать про свое горе. Горе оказалось несерьёзным. Какой-то котёнок, то ли её, то ли бездомный, залез на дерево и отчаянно там мяукал. Девочка, Оля, как она сразу же представилась, уже не плакала, и только доверчиво всхлипывала. Похоже, она была абсолютно уверена, что сейчас все её беды кончатся, «дяденька» поможет.

— Ну, понимаешь, Оля, раз он туда смог залезть, значит, сможет и слезть. Просто не хочет. Правда. — Олег попытался неловко успокоить свою новую знакомую, но по её лицу понял, что она ждала совсем других слов. Большие синие глаза девочки вновь наполнились слезами. Надежда в них померкла.

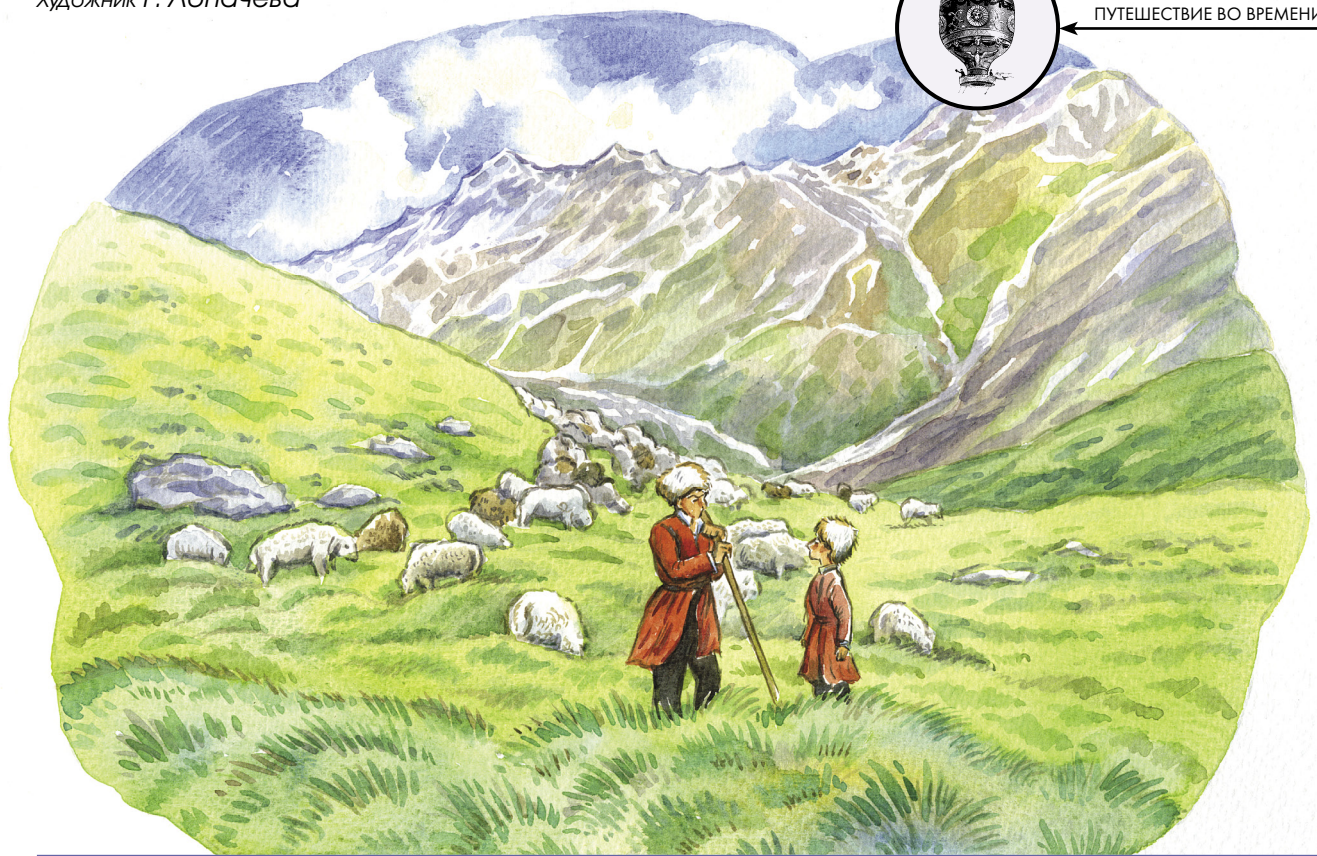
— Ну ты чего? С котёнком всё хорошо. Ну смотри. Вон он сидит и даже уже не мяукает.

На дереве действительно сидел котёнок, не очень высоко, но всё же выше, чем можно было достать рукой. Рыжий и лохматый, как шапка девочки. Не палкой же его сбивать, в самом то деле.

Девочка стояла, опустив голову, и молчала. Вот если бы она отвернулась и не смотрела, можно было бы просто потрясти дерево. Ничего бы с котёнком не случилось. Спрыгнул бы как миленький. Но при такой свидетельнице... За ревет ещё опять.

Олег вздохнул, расстегнул куртку и подошёл к дереву. Ну что ж, в принципе ничего сложного. Он подпрыгнул, подтянулся на руках, с третьего раза зафиксировал ногу на заледеневшем стволе дерева... За ворот тут же насыпало кучу снега. Ну вот, как заказывали. И зарядка, и всё остальное. Через несколько секунд он уже протягивал девочке дрожащего котёнка. Та смотрела на пушистого малыша такими счастливыми глазами, что у Олега даже в горле запершило. Он важно кивнул, закашлялся и с серьёзным видом, уже никуда не спеша, пошёл дальше.

Как же всё-таки красиво бывает по утрам, думал Олег в тот час, когда снег только выпал и на нём ещё почти никто не успел оставить своих следов... Ну, совсем как в какой-нибудь глупой детской сказке.

Когда пустыня была морем...

Наконец-то мы идём с отцом, рядышком, за отарой! Овцы пасутся на ходу, рассеявшись по холмам. Временами до нас доносятся звон колокольчика идущего впереди жожака. Последними, кучкой, пасутся старые овцы, начавшие тощать. Иногда отец кричит: «Эй-хей!» — и передняя часть отары дружно откидывается назад, давая возможность слабосильным догнать себя. Овцы приучены к командам чабана, иначе за день так набегаетесь, что ног под собой не почуешь.

Я вдруг обратил внимание, что не вижу ящериц, в изобилии попавшихся мне вчера.

— Почему так? — спросил я отца.

— Покойный Аганияз-ага говорил: овцы — как пожар, — ответил отец, — где они пройдут, не будет ни змей, ни ящериц. Ещё слышал я, что эти холонокровные не переносят овечьего запаха. Вот почему отара может день и ночь находиться в поле, а редко кто из овец страдает от змеиного яда.

Ну, раз отец вспомнил своего первого учителя Аганияза-ага, он не ограничится

этим коротким замечанием: в нём жива благодарная память юности.

Так и вышло.

Хотя начал он по случайному поводу:

— Вон видишь куст с набухшими почками? Это саксаул. Здесь он встречается редко, а в белых песках его много. Осталась неделька-две, и он начнёт цвести. Да как! Просто глаза разбегаются. Зимой он виден из-под снега, тогда нет ценнее пищи для овец... Аганияз-ага любил повторять, что в степи есть любые лекарства от болезней животных, надо только знать их. Вот ходишь и смотришь, где что растёт, запоминаешь. Когда-нибудь пригодится. Например, полынь вылечивает от глистов. Это ранняя трава. Через пару холмов отара выйдет на неё, я тебе покажу. Если у овец расстроился желудок, их надо попасти там, где растёт катран. Можно варить его корень и добавлять отвар в колоду с водой... А ты не заметил, какая трава под постелью в коше? — Отец испытующе посмотрел на меня и, очевидно решив, что о триоснице «ребёнок» ещё не слышал, продолжил: — Для чабана астрагал — три-

осница — подушка и постель. Змея на этот запах и близко не подползёт. Иначе, окаянная, может занять передний угол, будто в свой дом пришла. «Астарагал-трава на счастье подпаска выросла», — говорил Аганияз-ага. В дождь чем огонь разжигать, когда всё намокло? Астрагалом. Подожди пучок спичкой — будто масло прольётся на костёр. Он влагу не воспринимает. Сколько бы дождь ни лил, поверхность его — как оперение утки... — Отец остановился.

Я проследил за его взглядом: отара стала переваливать за хребет дальнего холма, скрываясь из вида. Я было бросился возвращать животных, но отец, сложив рупором руки, крикнул протяжно: «Хай, ха-айт!». Перед отарой будто приведение возникло — так стремительно она откинулась от вершины вниз. Колокольчик вожака повёл овец по склону.

— Овца — очень нежное животное, — неожиданно мягко сказал отец. — Вроде и не смотрит на тебя, безразлична, но если от души полюбить её — она поймёт. И будет определять по голосу: ум у неё в ушах. Ты понял: бежать за отарой по нашим холмам вверх-вниз — калекой станешь. Конечно, весной, когда овцы на сносях, забот прибавляется. Ягнёнок, только родившийся, может уснуть, запутавшись в траве. Приходится следить. А в остальное время отару нужно пасти голосом. Тогда и скот будет цел, и сам не измучаешься. Только не думай, что надо поминутно кричать. Овцы шум не любят. Настоящие чабаны всегда пасли, не видя овец, лишь слушая землю. Такая отара не имела потерь... Аганияз-ага

умел держать овец в руках. Голосом он мог заставить кружить их на одном месте. Многие пастухи думали, что дело в самой отаре — опытный, дескать, вожак, умные бараны. Но когда приспичит, обращались за советом не к овцам Аганияз-ага, а к нему самому: как тут быть, как тут? Были и завистники. Однажды они уговорили завфермой дать Аганиязу-ага больше молодняка, тогда, мол, станет ясно, какой он умелец. Гляжу я, что-то много у нас стало подросших ягнят. Неспроста, думаю. А Аганиязу-ага хоть бы хны. Сказал заведующему фермой: «Хорошо», а меня успокаивает: «Делай вид, сынок, что ничего не случилось. Им же будет стыдно, когда поймут, что скот таков, каковы хозяева». Ну и заставили нас попотеть пугливые новобранцы дней десять! Барашки выросли в разных отарах, все с разными привычками, ни голоса твоего не воспринимают, ни тебя. Каждый сам по себе. Я-то был молодым парнем, маялся, не терпел. А Аганияз-ага уже шесть десятков лет кинул на плечи, поясница его искривилась, сил уменьшилось. Лопнуло у него терпение. Но сдаваться — ни-ни. Его «да» всегда было твёрдым. Задело, значит, за живое. Привёл овец на сочное пастбище, накормил досыта. Утром велел мне погрузить на верблюда весь скарб. «Ты, — говорит, — братишка, отправляйся туда, где в прошлом году Овлет и Джумадурды держали ягнят около Гызылкаты. Там и устрой кош. А я с отарой пойду следом». Стало ясно, что старый чабан оседлал какую-то мысль. На место, куда я пришёл до полудня, отара добралась лишь к вечеру. На сле-

дующий день Аганияз-ага загнал овец в разщелину, с трёх сторон сжатую обрывистыми красноватыми скалами, меня с палкой поставил у узкого выхода. И начал охлаживать плохих учеников. Стегает, стегает, они мечутся по кругу с другими, он кричит: «Хей-хай! Стой!» — если не останавливаются, опять принимается бить палкой. Через неделю вся отара без исключения откликнулась на еле слышное «хайт». Прошепчешь — и катят назад. После этой «учёбы» мы вернулись на прежнее место, и я наслаждался позором наших завистников... — Отец приостанавливается и, сделав руку козырьком, вглядывается вперёд.

Вообще-то солнце сегодня не заставляет жмуриться, оно скрыто за облаками, растелившимися по небу ровной тёмно-серой кошмой. Но, наверное, козырёк обостряет всё же зрение. Я не вижу, что заинтересовало отца. Может, опять часть отары спустилась на невидимую сторону холма? И повинуюсь внезапно вспыхнувшему в груди желанию проявить свою власть над отарой, я кричу: «Хе-ей! Сто-ой!»

Мне тут же пришлось раскаяться в необдуманном поступке: не шелохнулась ни одна овца, даже морды никто не повернул. От серых спин ко мне шли — я это чувствовал! — волны холодного презрения.

Отрывисто крикнул отец — отара послушной волной откатилась назад. В общем, подтвердилась старая истина, что между «мм-да» и «да» есть большая разница.

— Ничего, сынок, — подбодрил меня отец. — Даже доктор Лукман, который по-

нимал язык всех степных растений и мог вылечить ими любую болезнь, не знал лекарства от зубной боли. Когда его спрашивали, как утихомирить ноющий зуб, он вырывал первую попавшуюся под руку траву и уходил.

— И что? — глянул я исподлобья, думая, что он посмеивается надо мной.

— Доктор этим говорил: «Нет другого выхода, как удалить зуб». Отец рассмеялся по-доброму, и мою насупленность как рукой сняло.

Конечно, я понял, что нет никакой связи между зубной болью и брошенной мной на ветер командой. Однако сознание того, что ты не одинок в неудачах, несколько примиряет с ними. Овцы привыкли к голосу отца, я для них никто. Но если я стану чабаном... А может, врачом?... Трудно в одиннадцать лет выбрать себе профессию. Их столько, хороших и разных. Например, собаковод-пограничник. Чабанский посох мне тоже нравится. Отец несёт его косо на плече, а иногда перекладывает за спину.

В начале пути я подумал, что отцу тяжело, и хотел на время попросить пастушью палку, но увидел, как он поднимается на холм, опираясь на неё, и не стал. Я без палки могу взобраться, даже налегке лучше, она всё же длинная.

С вершин хорошо видны красные цветы на солнечной стороне склонов. Отец говорит о холмах, как о живых: ему кажется, они могут свернуть свои цветастые одеяла и уйти куда-то. Он ведь видит степь не только ярко весенней, но и обесцвеченной жгучим солнцем лета, и унылой осенью.

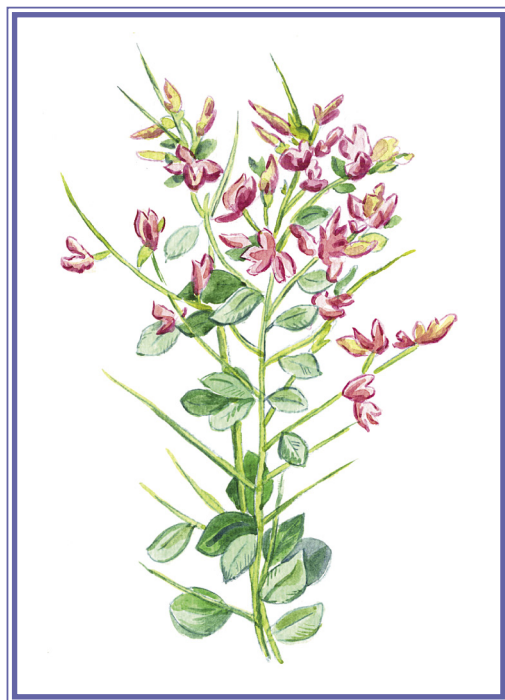
— Вот триосница, видишь? — кивает отец. — Султан, как на кукурузе. Овцы прошли мимо, будто гребень через мягкие волосы, даже о здоровье у него не справились. Они едят триосницу, когда другой травы остаётся мало. Тогда она сладкая, словно мёд... Ну, верблюжью колючку ты знаешь. Сейчас она молода, а с жарой расплзётся и захватит всё вокруг. Одна из немногих трав, что имеют зелёный халат с весны до глубокой осени. Как и верблюд, легко переносит засуху. Сок жизни она тянет из земли через длинный-длинный корень.

Отец читал травяной покров, как книгу. Каких только растений, оказывается, нет в нашем Бадхызе! И предгорные, и характерные для средних песков... И каждое полезно людям или животным. Может, всё же попробовать дорогу легендарного табиба Лукмана? Врачевать животных? Или... —

у меня даже дух захватило! — в дрессировщики пойти? У меня бы хватило терпения обучать зверей лаской, а не битьём...

Отара растянулась, кое-где были видны укладывающиеся на отдых овцы. Как говорил мне однажды отец: если животное начинает сгибать колени — значит наелась.

Мы обошли отару и повернули её к кошу. И снова меж холмами полз серый поток, то растекаясь по сторонам, то сгибаясь узкой лентой меж крутых холмов. Пошёл мелкий дождь. Пески, которые обычно связаны с представлением о движущихся барханах, сейчас похожи на волнуемое зелёное море. У него ни начала, ни конца. Куда ни глянешь, всюду будто переливается, сверкая разноцветьем, сплошная вода. Мне припомнился урок географии, где нам впервые сказали, что на месте пустыни когда-то плескалось море. Почти всё живое, что сейчас населяет пески, тогда плавало. А кони, наверное, были чайками, в вольном полёте меряющими небо над водной гладью. Мне кажется — неужели я не прав? — что буй-

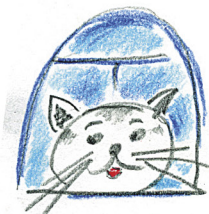

но зелёная каждую весну пустыня вспоминает своё прошлое, то самое время, когда она была морем...

Агагельды Алланазаров — известный туркменский писатель — родился в 1948 году. Работал учителем в школе, служил в десантных войсках. После службы в 1971 году поступил в Московский Литературный институт им. А. М. Горького и окончил его в 1976 году. Он пришёл в литературу как поэт. По повестям Агагельды Алланазарова сняты два полнометражных художественных филь-

ма. Его пьеса «День рождения Лиса», написанная для детей, уже 20 лет не сходит со сцен театров в Туркмении и других странах. Произведения Агагельды Алланазарова переведены на многие иностранные языки. «Его книги — перекрёсток, где взрослый и ребёнок могут встретиться, — писал о творчестве этого писателя Чингиз Айтматов. — И, улыбнувшись, лучше понять друг друга».

Наталье Чугуновой 14 лет, она живёт в посёлке им. Цурюпы Воскресенского района, Московской области. Учится в 8 классе местной школы, занимается музыкой в Детской музыкальной школе, любит читать и сочинять небольшие истории.

Её короткие рассказы о домашних животных очень добрые и сердечные, наполнены меткими наблюдениями над жизнью и повадками братьев наших меньших.

Тим и черепахи

Уже целый год живёт у нас кот. Его зовут Тим. Он очень важный, серо-чёрного окраса, британской породы. Обычно его можно найти в комнате дедушки и бабушки или на кухне. Поест и спать — и так каждый день. И вот однажды мама привезла четырёх водяных черепах. Они были большими, одна из них была прожорливая, ела больше всех и почти никому не уступала. Я побежала за котом. Он спал на диване и от удовольствия мурлыкал. Взяв его на руки, я потащила его к черепахам. Сначала Тим нечего не понял, но потом учуял запах чужаков и попятился назад. Потом опять подошёл ближе к аквариуму, где жили черепахи, принюхиваясь к ним. Самая большая из них подняла лапу, и от неожиданности Тимка убежал. Черепахи жили у нас долго, и Тим ни разу к ним не подошёл.

Но вот однажды ночью я увидела такую картину: все четыре черепахи сидели на камне в аквариуме, глаза у них были закрыты, Тим сидел рядом с ними. Но как только одна из них приоткрывала хоть один глазик, кот поднимал лапу и делал движения лапой вверх-вниз. Я очень долго наблюдала за ними. Когда Тимка убедился, что все спят, он пошёл на своё привычное место. На Новый год к нам приехал гостить мой двоюродный брат вместе со своим щенком Тотошкой. Тотошка был непослушным, весёлым, игривым щенком. Когда Тим впервые встретил Тотошку, то оказал ему очень холодный приём. Щенок был очень любопытным, потому комнату с черепахами мы закрыли, иначе бы он влез в аквариум лапой или ещё что-нибудь натворил.

Настала ночь. Тим опять пошёл к черепахам, но заметил, что дверь была открыта. Он вошёл. И увидел Тотошку! Озорник сидел на аквариу-

ме, просунув лапу прямо к черепахам. От испуга они все забились в угол. Тим ошетинился, и со всей силы дал ему по спине лапой! Потеряв равновесие, щенок упал прямо в воду. Бултых был очень сильным. Мы услышали его и быстро вытащили шалуна из воды. С тех пор Тотошка больше не подходил к аквариуму, и уж тем более — к Тиму. А Тимка с той поры очень подругился с черепахами и сторожил их.

Полицейский Васька

Жил-был кот Васька. Ужасно важный и грубый. Шерсть у него была чёрно-серая и переливалась на солнце. Глаза ярко зелёные, одно ухо торчало вверх, а другое вниз, лапы белые, а кончик хвоста как кисточка. Называли его ворюгой и полицейским — одновременно. Очень хитрым и смывшлёным был Васька, ему легко было обвести вокруг носа любого.

Так почему же он ворюга? Был такой случай: прокрался он к нам в огород и видит — на столе лежит большая рыба, мама хотела из неё суп рыбный сделать, да вовсе про неё забыла. А кот стоит облизывается, и решил он съесть её. Побежал он напролом к столу, а в это время мимо проходил петух Петька. Тут Васька как прыгнет на него. А Петька так испугался, что в обморок упал и лежал, иногда покукарекивая. Вспомнила мама про рыбу, вышла из дому и видит: Петька лежит, еле дышит. Облили его холодной водой, а он как вскочит — и вприпрыжку побежал. Ну а Васька, пользуясь моментом, взял рыбку и был таков. Так и без супа остались. Да, таких случаев было не мало.

Ну, а почему он полицейский? Есть у нас знакомый полицейский подполковник дядя Жора. Кота он очень любил, кормил его каждый день. Васька же отвечал ему любовью и верностью. Вот только одно не нравилось Ваське, как только дядю Жору вызывали на работу, он его с собой не брал. И кот на него очень обижался. И вот поступил сигнал, что кто-то картошку в соседнем огороде ворует. Дядя Жора так торопился задержать преступника, что даже чуть не упал. Сел он в машину, да вспомнил, что окно забыл закрыть. Ну а Васька выпрыгнул из окна и на заднем сиденье полицейской машины устроился. И вот приехали они к месту назначения и видят, как вор с полным мешком картошки уходит. Дядя Жора как выпрыгнет из машины да как засвистит! А вор бросил в него большую палку, и дядя Жора споткнулся и упал. Видит Васька — вор удирает, опередил его, да как кинется ему прямо на голову, и задержал его. Так дядя Жора с Васькой поймали преступника. Теперь подполковник берёт Ваську с собой на задания. Коту даже ошейник выдали с надписью «Герой». Да, любил Васька похулиганить, но и меру себе и своим поступкам знал.

Наш ВЕРНИСАЖ

1

2

3

4

5

Работы воспитанников изостудии
«СТРАНА ЧУДЕС»

г. Москва, ГБОУ школы СП136

Руководитель Г. И. Карзина,
методист Н. Б. Мишанина,
старший воспитатель Е. Е. Кириченко

1. Алена Кулик, 6 лет
2. Ярослава Войташ, 6 лет
3. Диана Мустаева, 7 лет
4. Дарья Капралова, 5 лет
5. София Кириленко, 5 лет

«Самое драгоценное в искусстве — божий дар, талант, и он должен служить к выражению чувств добрых и прекрасных...»

М. В. Нестеров

М. Нестеров. «Под Благовест». 1895 г

**СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК,
СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК:**

Большие крылья

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ:

Когда пустыня была морем

ИМЕНА:

Художник Артур Ковалёв

**СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО
ТВОРЧЕСТВА**